

Василий ГОЛОВАЧЕВ

РЕЛИКТ:
ДЕТИ ВЕЧНОСТИ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ
РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Реликт

Василий Головачев

**Возвращение блудного
Конструктора**

«ЭКСМО»

1991

Головачев В. В.

Возвращение блудного Конструктора / В. В. Головачев —
«Эксмо», 1991 — (Реликт)

ISBN 5-699-04819-7

«Возвращение блудного Конструктора» – третья книга остросюжетного фантастического романа-эпопеи «Реликт» в шести книгах, который показывает развернутую панораму жизни человечества в двадцать втором – двадцать четвертом веках. Начинается роман встречей землян с реликтовой формой жизни в космосе, спора которой сохранилась со времени рождения Вселенной, а заканчивается грандиозным противостоянием разумных Вселенных, в котором люди пытаются отстоять свое право на жизнь. Это роман о мужестве и бесстрашии, просчетах и ошибках людей, об их любви и ненависти, безумии и надежде. Это роман, воспевающий жизнь во всех ее проявлениях, о воспитании человека в экстремальных условиях, об отношениях людей с космосом и с теми, кто его населяет. Это роман приключений, полный активного действия и философских размышлений о смысле жизни, отрицающий равнодушие к последствиям любого шага человека.

ISBN 5-699-04819-7

© Головачев В. В., 1991

© Эксмо, 1991

Содержание

Часть первая	5
БОЛЬШОЙ ВЫСТРЕЛ	5
ЧУЖАНЕ	19
ЛЕГЕНДА О ПРОЖОРЛИВОМ МЛАДЕНЦЕ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Василий ГОЛОВACHEВ

РЕЛИКТ. Книга III

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО КОНСТРУКТОРА

*Но замер и ветер средь мертвых песков,
И тише, чем шорох увядших листов,
Протяжней, чем шум океана,
Без слов, не слагаясь в созвучия слов,
Из сфер неземного тумана
Послышался голос, как будто бы зов,
Как будто дошедший сквозь бездну веков
Утихший полет урагана.*

К. Бальмонт

Часть первая

ОПЕР. БЕРЕСТОВ

БОЛЬШОЙ ВЫСТРЕЛ

Не совсем прав был поэт, утверждая, что настроение – это климат сердца. Хотя и складывается из многих «мелких» эмоций и глобальных движений души, представляющих устойчивый спектр ее реакций на внешние раздражители, но помимо сердца в создании настроения активно участвует, к сожалению, еще и голова, особенно – плохого настроения.

У пограничника Честмира Тршеблицкого, значившегося в служебной табели о рангах под кодовым обозначением «гриф», то есть работающего самостоятельно и владеющего допуском к заданиям любой сложности вплоть до применения карт-бланша особых полномочий, имелось много поводов к тому, чтобы настроение его сдвинулось в область отрицательных эмоций, однако основной причиной была привычка к пристрастному анализу заданий руководства. Проанализировав последнее, Честмир понял, что руководители погранслужбы совсем перестали его ценить, ибо, по его мнению, подобные задания обычно выполняют стажеры службы, а не драйверы-прима, к которым принадлежал он сам. Задание состояло в кенгуру¹ до триангуляционного маяка на векторе созвездия Гиппарха, обозначавшего условную границу исследованного землянами космоса; маяк в течение трех суток не выдал обычного «на границе все спокойно».

– Почему эту прогулку поручают мне? – спросил Честмир диспетчера оперативного погранотряда.

– Приказ командора, – лаконично ответил диспетчер, будучи не человеком, а инком, то есть киб-интеллектом.

Честмир еле сдержался, чтобы не наругать, поэтому, произнося гневную тираду про себя, не удивился, когда виом связи вспыхнул снова и на него взглянул смуглолицый незнакомец неопределенного возраста: лицо не молодое, но и не старое, тонкое, волосы совершенно

---

¹ Кенгуру – на жаргоне пограничников и спасателей – прыжок курьерского шлюпа или другого корабля по вызову, короткий рейд с единичным заданием.

седые, в глазах – странное выражение затаенной боли или тоски и жуткая глубина всепонимания.

– Откажитесь от кенгуру, – сказал он. – Вы не справитесь с задачей в таком состоянии.

– А кто вы такой, чтобы советовать мне, что делать? – осведомился Честмир, сдерживая раздражение.

– Тот, кто знает достаточно, чтобы советовать. Если не можете отказаться, будьте осмотрительнее в точке выхода, цена осмотрительности в данном случае – жизнь.

Незнакомец, кивнув, исчез, виом собрался в световую нить и угас.

Тршеблицкий хмыкнул, сказал вслух: «До чего же я люблю идиотские предупреждения!» – и вышел из помещения дежурного десанта под насмешливые замечания товарищей, ждущих своей очереди.

Получая вводные, он ничем не выдал своих чувств, по обыкновению сухо отвечая диспетчеру, но в кабине курьерского когга не сдержался и открыл мидель-захват пилотского кокон-кресла не легким движением пальца, а ударом кулака.

– Кажется, мы не в духе, – заметил инк когга по имени Шарп, когда Честмир, одетый в кокос – компенсационный костюм спасателя, – влез в захват и включилась система компьютерной мыслесвязи. – Что случилось, кто умер?

– Ничего особенного, – буркнул мысленно Честмир. – По-моему, меня решили поберечь... для развлечения сектора. Включайся в работу. Кенгуру по координатам – час, на месте – полчаса, назад – еще полчаса. Вернусь – я им покажу, на что способен драйвер-прима гриф глубокого сектора погранслужбы Тршеблицкий!

Функциональный киб-интеллект когга, исполняющий обязанности координатора-проводника, инк второго класса, знавший все положительные и отрицательные стороны характера своего командира-друга-человека, промолчал. Повинуясь командам главного распределительного компьютера базы, располагавшейся в системе Гиппарха за триста световых лет от Солнца, он вывел когг к нужному стартовому колодцу, предупредил командира о готовности к прыжку, и автоматы базы включили режим «суперструны».

Курьерский когг – это, собственно, спасательный шлюп класса «универсал-абсолют», биомашина пятого поколения, представляющая собой единый квазиживой организм, внутри которого, как семечко в яблоке, обитает водитель, называемый по древней традиции пилотом. Если операция по спасению сложная, то в рейд отправляют сразу два когга, и пилот ведущего называется драйвер-прима, а ведомого – драйвер-секунда.

Рубка такого шлюпа имеет вид трехметрового кресла-кокона, оборудованного системой датчиков, которые подают информацию напрямую в мозг пилоту и через «дисциплинатор» – блок целесмыслового контроля – его мысленные команды исполнительным механизмам.

Честмир привычно влез спиной в рубку, запеленался, проверил включение координатора, а спустя несколько секунд когг вышел из «струны» за сто световых лет от базы в точке, где когда-то разведчиками был установлен маяк «Гиппарх-граница».

Определившись в пространстве с необходимой для работы тщательностью, Честмир озадаченно проверил данные Шарпа: шлюп вышел точно по заданным базой эфемеридным координатам, однако маяка на месте не оказалось, окно локатора было пустым, а эфир молчал. Космос в указанном районе, как и везде, равнодушно ждал, чем закончится его небесное расширение, и на эмоции одного человека ему было наплевать.

– Куда он делся? – спросил Честмир хмуро. – Не могли же нас забросить в другое место. Инки базы не ошибаются.

– Я тоже, – сухо отрезал Шарп.

– Тогда где маяк?

– Нас и послали разобраться в его молчании. Вполне может быть, что его украли инопланетяне.

Честмир фыркнул:

– Шутник ты, однако, приятель. Врубай «уши» на локацию, будем искать пропажу. Не справишься за полчаса – спишу в службу быта.

Через час с небольшим в двух АЕ от шлюпа им удалось обнаружить убегающий со скоростью пять тысяч километров в секунду небольшой «иксоид», то есть тело неизвестных форм, массы и габаритов. Оптика шлюпа на таком расстоянии предметы не брала, но Шарпу удалось по динамике движения «иксоида» определить его примерную массу и сделать вывод, что скорее всего это и есть «сбежавший» триангуляционный маяк «Гиппарх-граница» под номером тысяча сто сорок один, по неизвестной причине отправившийся в самостоятельный рейд в направлении на южный галактический полюс.

– Пойдем на «струне»?! – полуутвердительно сказал Шарп. – Готов поспорить, что промахнусь не больше чем на сто километров. Хотя... мне почему-то не хочется догонять этот «орех».

– Ха-ха! – сказал Честмир. – Ты еще повесь мне лапшу на уши о своей «интуиции».

– Говорят, некто драйвер-прима вешал такую лапшу на уши длинноногой стажерке из сектора «интеллектуалов», – парировал Шарп.

– Да? – помолчав, пробормотал Честмир, вспоминая горящие восторгом под опахалами ресниц глаза Чариты. – Кто говорит?

– Слухи не имеют координат.

– Болтун, подхватываешь чужие сплетни... На «струне» не пойдем, пойдем шпугом ², заодно поработаем, пощупаем путь приборами.

– И все-таки я бы запустил ему вдогонку зонд и посмотрел на маяк издали... не нравится мне его бегство. Да и пространство вокруг какое-то... вздыбленное... и «пахнет паленым» – радиационный фон повышен.

– Пойдем, как сказал. – Честмир сделал глоток сока, как и всегда перед работой, и скормандовал: – Вперед!

Он все еще находился во власти дурного настроения и не смог поэтому по достоинству оценить предостережение координатора, хотя и помнил совет незнакомца «быть поосмотрительней».

Шлюп начал разгон в режиме крейсерского шпуга и уже через час достиг скорости, почти равной половине скорости света, после чего Честмир смог наконец поймать убегающий огонек маяка в визирные метки оптического комплекса. Поймал и не поверил глазам. Он увидел странную конструкцию, мало напоминающую октаэдр маяка: нечто похожее на громадные олени рога, выросшие из остроугольного ядра. Казалось, какая-то сила расплавила маяк и потеки металла и пластика, изогнувшись, застыли веткой колючего кустарника или «оленими рогами».

– Это не маяк, – сказал Честмир, начиная вдруг осознавать, что его «пустячное» задание грозит вылиться в длительный исследовательский рейд с непредвиденными последствиями.

– Маяк, – возразил координатор, оценивший ситуацию чуть раньше командира. – Врубаю срочное торможение, изотропия пространства изменяется по нарастающей, появился густой микроволновый фон.

– Дай отклонение!

– Поздно. Держись, даю аварийное торможение.

Но было уже действительно поздно. В последнее мгновение перед торможением Честмир успел заметить, как часть рубки шлюпа прямо на глазах внезапно искривилась и стала расплзаться, менять форму и цвет. Если бы в этой области пространства в данный момент находился сторонний наблюдатель, он заметил бы, как шлюп за несколько секунд претерпел

---

² Крейсерский ход с двойным ускорением.

множественную трансформацию и превратился в «букет колючих шипастых цветов», растущих из треугольного ядра...

Сигнал дверного автомата раздался ровно в семь утра, когда Ратибор завтракал. Недоумевая – кто бы это мог быть в такую рань? – и преодолевая невольное разочарование (у него были свои виды на воскресенье, а неожиданный ранний визит всегда сулит перемену личных планов), Ратибор промокнул губы салфеткой и открыл дверь.

Перед ним стояла странная пара: невысокого роста мужчина в черном кокосе с короткими рукавами, словно только что с дежурства, седовласый, с решительным угрюмо-спокойным лицом, и красивая девушка в летнем сафари с густым водопадом льняных волос. Глаза широко расставлены и светлые-светлые, почти прозрачные, но холодными назвать их было нельзя; яркие, слегка подведенные сочные губы таили улыбку, но не улыбались. На среднем пальце у мужчины красовался перстень из полированного черного камня с прозрачной выпуклостью, внутри которой разгоралась и гасла зеленая световая искра.

– Ратибор Берестов? – полувопросительно сказал незнакомец глубоким звучным голосом. – Безопасник-кобра ³, бывший драйвер-прима курьерской службы УАСС. Бывший гриф погранслужбы.

– Вы не ошиблись, – сухо ответил Ратибор, внутренне собираясь. По всей видимости, утренний посетитель хорошо знал его послужной список, и это не совсем обычное обстоятельство настораживало: такие подробности о работнике службы безопасности мог знать далеко не каждый человек. И вдруг Ратибору показалось, что девушку он уже где-то встречал.

– Проходите. – Он жестом пригласил гостей в дом. – Я как раз завтракаю, втроем делать это веселей.

– Спасибо, мы буквально на минуту. – Взгляд незнакомца исподлобья был откровенно испытующим. – Скоро вам придется заниматься одним весьма необычным делом, и я хотел бы предупредить: не торопитесь.

Ратибор удивился. Давно с ним никто не разговаривал в такой интригующей манере, полунамекками, словно проводя тест на смекалку и на владение собой, но, с другой стороны, было совершенно очевидно, что незнакомец не шутил.

– Может быть, все же войдете? Неудобно разговаривать на пороге. – Ратибор ничем не выдал своих чувств, ответив на взгляды гостей таким же оценивающим взглядом. Ситуация начала его забавлять, хотя в подобные игры он давно не играл.

Мужчина и девушка переглянулись, в глазах последней вспыхнули веселые искры.

– Я же говорила, – произнесла она грудным голосом. – Он не примет нас всерьез, пока не будет знать всех подробностей дела.

– Подробности знать ему пока ни к чему, – равнодушно сказал мужчина. – Извините, Берестов, мы пришли предупредить вас, и только, и не ищите других причин. Положение, в каком вы окажетесь, потребует от вас не только остроты реакции, быстроты мышления, но и запаса терпения и осторожности. Дайте слово, что не станете решать возникающие проблемы в лоб, методом разведки боем.

Ратибор начал терять терпение, но не потому, что не любил прозрачных намеков на таинственный смысл речи и топтания вокруг да около, а потому, что его необычные посетители знали, с кем имеют дело, а он не знал. Однако пульсирующий огонек интереса в глазах девушки заставлял его вести себя соответственно, с изрядной долей иронии к происходящему, и он не сумел выработать точную линию поведения.

– Обещаю быть самым собой, – медленно проговорил Ратибор с легкой улыбкой, преобразившей его худое лицо с выступающими скулами. – Я почему-то всегда считал, что хиро-

---

³ Кобра – командир обоймы риска (обойма на жаргоне тревожных групп – служба).

манты, оракулы и предсказатели судеб ушли в прошлое, а тем более работающие в паре. Хотя это удобно. С одной стороны – угроза, позиция силы в лице мужчины, с другой – обещание удачи в лице женщины. Клиент выбирает, что ему по душе, а предсказатели в результате всегда в выигрыше. Так?

– Жаль, – сказал мужчина, не отвечая на шутку, обращаясь к спутнице, хотя в голосе его не было и тени сожаления. – Он не способен к абстрагированию и не внемлет голосу разума.

Улыбка сбежала с губ Ратибора.

– Вам не кажется, сударь, что вы по крайней мере невежливы? Не желаете представиться по этикету – не надо, это ваше дело, я и так вычислю вас в скором времени, но если хотите предупредить – говорите прямо, точно формулируя мысль, и желательно мне, а не тому, с кем пришли. Я разочаровал вас? Извините тугодума.

– Он прав, Ри, – сказала девушка.

– Если бы я мог точно сформулировать то, что знаю, – буркнул мужчина, – я бы разговаривал иначе и не с вами. К сожалению, у меня нет количественных данных, только качественная оценка.

– Извините нас. – Девушка протянула руку. – Мы хотим вам добра, иначе не пришли бы, но, к сожалению, не можем сообщить ничего конкретного. Может быть, в дальнейшем вы поймете почему.

Ратибор, поколебавшись, взял руку девушки в свою, легонько прикоснулся губами к пальцам, а когда поднял голову, мужчина уже шел по площадке к голубовато-прозрачной «улитке» лифта.

– Не обижайтесь на него, – тихо сказала девушка, не отнимая руки; глаза ее потемнели. – На него нельзя обижаться.

– Попробую, – ответил Ратибор, внезапно вспоминая, где и при каких обстоятельствах видел стоящую перед ним незнакомку; память все-таки вытащила из своих глубин нужный видеослед. – До свидания, Анастасия.

Девушка прищурилась, не удивившись.

– Вспомнили? Тогда за вас можно не беспокоиться.

– Настя, – окликнули девушку из лифта, – мы опаздываем.

– Иду, – откликнулась та. – Прощайте, кобра, желаю вам ни пуха ни пера.

– К черту, – пробормотал Ратибор машинально, глядя ей вслед. Девушку звали Анастасия Демидова, и работала она эфналитиком в экспертном отделе Института внеземных культур.

Из гостиной раздался двухтональный сигнал вызова. Ратибор опомнился, вошел в квартиру и закрыл дверь, только теперь с досадой обнаружив, что держит в левой руке салфетку. Бросив ее на стол, включил голосом ответ-связь. Над выпуклым глазом виома выросла световая игла, развернулась в объемное изображение диспетчерской отдела.

– «Три девятки» по треку ⁴, – коротко сказал дежурный. – Готовность сбора двадцать минут.

– Принял, – кивнул Ратибор, у которого екнуло сердце: не слишком ли быстро начинают сбываться все предсказания только что удалившихся «прорицателей»?

А еще было жаль майского воскресенья...

Отработка тревожного вызова в отделе безопасности обычно длится не более десяти минут – после того как оперативник прибыл на базу «привязки». База, к которой был «привязан» Ратибор Берестов, располагалась под Брянском, практически рядом с домом, и называлась «Радимич-2». Поскольку автомат-распорядитель трека направил Ратибора не на стартовый комплекс курьерских шлюпов, а на поле спейсеров и спасательных модульных связей,

---

⁴ Трек – тревожный канал. «Три девятки» по треку – сигнал тревоги.

называемых склонными к мрачному юмору безопасниками «пакмаками» – что было сокращением слов «пакет макарон», Ратибор понял, что случилось нечто неординарное. Лифт базы выбросил его, уже одетого в фирменный кокос, возле гигантской «люстры» высотой в семьдесят метров – модульной связки, состоящей из плотно упакованных осевого драккара и восьми внешних коггов. Один из модулей был выдвинут и, как только Ратибор нырнул в люк осевого, встал на место.

Рубка драккара ничем не отличалась от подобных постов управления всей летающей воздушной и космической техники. Ратибор нырнул в мидель-захват, автоматы запеленали его в защитный кокон, и начался отсчет времени вывода на траекторию. В голове пилота раздался голос: включилась система компьютерной связи с диспетчером управления, а также с киб-интеллектом базы, с координатором модуля и с главным компьютером отдела, которого называли Умником.

– Я малый инк, имя – Камал, – сообщил координатор драккара формулу знакомства.

– Берестов, в вашем распоряжении обойма с полной упаковкой ⁵. Идите по лучу целеуказания главного инка погранслужбы, – раздался «голос» Умника.

– Ратибор, – сказал диспетчер, – по вектору гаммы Гиппарха – тысяча светов лет – пропали без вести маяк границы, беспилотный зонд и когг, пилотируемый драйвером-прима погранслужбы грифом Тршеблицким.

– Принял, – ответил Ратибор.

– До кенгуру две минуты, пакет смысла ваш киб получил, расшифруете на месте. Желаю удачи!

– Взаимно.

«Пакмак» начал прыжок длиной в тысячу световых лет точно так же, как сделал это когг Честмира Тршеблицкого восемь дней назад. И вышел из «струны» практически в том же районе, наглухо «защитый» в «саван» полной защиты.

Ратибор за несколько секунд провел переключку ведомых, зная и чувствуя каждого как свои пять пальцев, и принялся за анализ полевой обстановки. Он не был поклонником второго пункта Инструкции УАСС, именуемого в быту пунктом «срам» и расшифровывающегося как «сведение риска к абсолютному минимуму», но и, будучи командиром обоймы риска, полагался не только на реакцию, но и на чувство опасности. На сей раз оно было достаточно острым, да и предупреждение таинственного напарника Анастасии Демидовой не шло из головы.

Не обнаружив ничего угрожающего «пакмаку», Ратибор дал сигнал Земле: «Все в порядке, я на месте, начал работу», – и раскрыл связку. Восемь шлюпов отделились от осевого драккара и, прощупывая пространство по радиусу от него, пошли каждый в своем направлении.

– Здесь все в норме, – сказал заместитель Берестова Юрий Шадрин. – Предлагаю обычное построение.

– Нет! – резко ответил Ратибор. – Ступенчатое, с предварительным зондажем.

Привыкшие полагаться на чутье и опыт командира, безопасники не зароптали, хотя и удивились, не видя прямой опасности. Ратибор тоже ее не видел, однако нет-нет да и вспоминал полученное предупреждение.

Уже спустя полчаса второй и третий модули столкнулись с едва заметным, но все же нарастанием градиента внешних полей и с появлением микроволнового фона.

Ратибор дал в эфир «дробь-внимание», и остальные когги повернули вслед за вторым и третьим. Началась зондовая проверка по выбранному вектору, уходящему в глубь звездного скопления Гиппарха.

---

⁵ Полная упаковка обоймы – тридцать два человека.

Шадрин, готовый взять управление обоймой на себя в случае выхода из строя командира, первым обнаружил странное поведение зондов по мере их углубления в область с повышенной плотностью излучений и полей. Люди, предупрежденные Шадринным, молча наблюдали за тем, как десятиметровые зонды, похожие на плоские кольца с шипами антенн, вдруг потеряли управление, заметались, один из них изменил форму, стал «мигать», то превращаясь в облако белого дыма, то «кристаллизуясь» в твердое тело, а второй просто растаял без следа.

– Три «ореха» с полной защитой, очередью и выводом записи на передачу, – скомандовал Берестов.

Три зонда просияли габаритными огнями – действительно, очередь трассирующими, подумал мимолетно Ратибор, – и растаяли в пространстве, ведомые ультраоптикой модулей. Их постигла иная участь: в трехстах тысячах километров от застывших шлюпов и осевого корабля сверкнула вдруг длинная – около тысячи километров! – искра непонятного разряда и нанизала зонды на себя один за другим...

Маяк «Гиппарх-граница» и курьерский когт грифа погранслужбы Тршеблицкого, изуродованные неизвестной силой до неузнаваемости, они обнаружили с помощью вызванных на место погранотряда и смены усиления через сутки далеко в стороне от определенного маяку района дрейфа. Драйвер-прима Честмир Тршеблицкий был к этому времени мертв, да и на человека он походил мало...

Ратибор вернулся на Землю месяц спустя после описанных выше событий, отработав совместно с прибывшими отрядами пограничников, экспертов и ученых весь комплекс мероприятий по изучению феномена и обеспечению безопасности экспедиции. Им владела неотвязная мысль: откуда странный гость, посетивший его до тревожного вызова, мог знать, что ждет Берестова впереди? Ни одна электронная гадалка, несмотря на опыт эфналитика-оператора, будь он даже семи пядей во лбу, не способна предсказать причину тревоги и результат действий конкретного исполнителя. Ратибор с нетерпением ждал момента, когда он сможет наконец выяснить – что это за человек и какое отношение к происшедшему имеет Анастасия Демидова, эфналитик Института внеземных культур. Но поскольку Ратибор остро нуждался в отдыхе, он, дав на оперативном совещании у директора УАСС полный отчет о проделанной работе начальству и комиссии СЭКОНа, принял дома душ, потом в пять часов вечера завалялся спать и проспал без малого девятнадцать часов в свежей и чистой постели на хрустящих простынях. Позавтракав, почувствовал голод к спортивным эмоциям и тут же позвонил Полу Макграту, предложив ему прогуляться на корт, благо Пол уже сидел на рабочем месте, изнывая от безделья.

Пол Макграт, такой же кобра, как и Берестов, не участвовал в операции, но это обстоятельство его не задевало и не расстраивало. Жизнерадостный, шумный, всегда дружелюбно ко всем настроенный, он знал себе цену и не злился не только по пустякам, но и попадая в серьезные переделки, чем снискал себе славу добродушного оптимиста и рубахи-парня. Один Ратибор знал, что Пол – интрасенс, способный рассчитать на несколько ходов вперед любую ситуацию. Работать с ним в паре было трудно, но интересно.

Встретились у зеленого газона, окружавшего знаменитые корты управления, ни в чем не уступавшие кортам Уимблдона. Обнялись, молча переоделись и выбрали ракетки, предоставленные автоматом обслуживания.

– Давно вернулся? – спросил Макграт, начиная разминку.

– Вчера, – ответил Ратибор, чувствуя, что Пол знает, когда он вернулся. – Аристарх дал два дня на отдых, завтра снова иду на границу Гиппарха.

– Что там случилось? Слухи доходят какие-то чудовищные, будто бы кто-то «выстрелил» по нашей Системе и выстрел вот-вот достигнет цели...

Ратибор невольно вспомнил совещание у директора управления.

В знаменитом историческом кабинете директора, пережившем на своем веку ровно двадцать поколений директоров, уютно преобразованном с помощью видеопласта в тенистую беседку с удобными легкими стульями, расположились семь человек: хозяин кабинета Кий-Коронат; комиссар-один отдела безопасности Игылкут Юнусов, координирующий наземные силы безопасности; комиссар-два Аристарх Железовский, отвечавший за безопасность космических поселений человечества, огромный, бугристый от чудовищно развитых мышц, похожий на каменную грубо обтесанную глыбу; командор погранслужбы Ингвар Эрберг; председатель СЭКОНа Забава Боянова; главный специалист научного сектора физик Гордей Вакула и Ратибор. Все присутствующие знали друг друга и в представлениях не нуждались, да и не раз встречались во время ЧП-вахт, поэтому Железовский без всяких предисловий взглядом – он вообще двигался очень мало, обходясь не только минимумом слов, но и минимумом жестов, – показал Вакуле, что тот может начинать.

Гордей Вакула, весь какой-то округлый и мягкий, с покатыми плечами, с лысиной на полчерепа, что, в общем-то, было удивительно – на Земле давно справились с облысением, закатил глаза-сливы и пошевелил губами, сосредоточиваясь, словно вспоминал заданный урок.

– Надеюсь, факты перечислять не имеет смысла, все вы прекрасно их знаете. Выводов два. Но сначала хочу поблагодарить вашего... гм... не люблю я этот жаргон, честно говоря. Я имею в виду, ваш командир обоймы риска Берестов сумел найти оптимальное решение предложенной задачи и избежать жертв и больших материальных потерь.

Все присутствующие одновременно посмотрели на Ратибора. Тот пожал плечами:

– Это была обычная работа по формуле «неизвестная опасность».

– Ну, конечно, элементарная задачка для стажера, – пробормотал командор погранслужбы Эрберг, задетый заявлением.

– Что, задело? – тихо, без улыбки спросил комиссар-один.

– Еще бы, – так же негромко проговорила черноволосая, с красивыми руками Забава Боянова, избранная председателем СЭКОНа на третий срок; говорили, что ей исполнилось уже сто двадцать лет, но выглядела она вчетверо моложе. – Погранслужба начала ЧП-вахту более чем неудачно.

Кий-Коронат кашлянул. Все замолчали. Директор УАСС кивнул Вакуле:

– Продолжайте, Гордей.

Физик снова закатил глаза. Когда-то эта его манера говорить смешила Ратибора, теперь же начала раздражать.

– Вывод первый, физический: в космосе обнаружен канал длиной более шестисот световых лет и диаметром около полутора астрономических единиц, внутри которого структура вакуума нарушена таким образом, что в нем реализуются процессы с отрицательной вероятностью. Почему я сказал неточно – более шестисот световых лет? Потому что по вектору гаммы Гиппарха длина канала не проверена, а в противоположную сторону он продолжает расти. Ну а если говорить о процессах с отрицательной вероятностью, то распад протона, появление «голового» кварка и локальные повороты времени – самое безобидное из всего, что может произойти. Результаты этих процессов вы знаете: маяк границы, обозначавший условную границу исследованного землянами пространства, при попадании в зону канала превратился в странной формы предмет из редчайшего изотопа свинца, а курьерский когг с грифом Тршеблицким... – Вакула перекатил глаза на Эрберга. – Простите, командор, я понимаю ваши чувства. Так вот, когг тоже претерпел изменения, превратившись в так называемый «кочан капусты», каждый слой которого представляет собой одну сверхсложную молекулу какого-то металлополимера. Капитан Тршеблицкий, оставаясь функционально человеком... – Вакула пожевал губами, находясь в некотором затруднении.

Ратибор его понял. Когда они нашли когг и пробились в его рубку, никто не хотел верить, что круглое бревно в кокон-кресле и есть драйвер-прима Тршеблицкий: все органы его тела – руки, ноги, голова – были идеально «подогнаны» под форму цилиндра.

– Ясно, – сказала Боянова, – не стоит приводить примеры.

– Вывод второй, спекуляционный ⁶: неизвестно кто и неизвестно зачем начал «рыть вакуум» в направлении Солнечной системы. Длина канала со столь экзотическими свойствами продолжает расти со скоростью, в тысячу раз превосходящей скорость света, и по нашим расчетам через год он неизбежно упрется в Солнце. Правда, хотя сам канал совершенно прямолинейен, изредка от него ответвляются боковые «побеги», которые спустя несколько секунд после ответвления превращаются в кварко-глюонную плазму, происходит как бы спонтанный разряд неизвестного поля, против которого очень трудно защититься. Хотите знать мое личное мнение?

– Не надо кокетничать, Гордей, – поморщилась Забава.

Вакула, не смутившись, снова закатил глаза:

– Это пробой. Пробой вакуума, пробой нашего пространства разрядом из иной Вселенной. По небольшому снижению скорости роста канала – кстати, я предложил назвать явление Большим Выстрелом – можно судить о его первоначальной скорости на границе нашей Вселенной: она бесконечна! Но все эти качества канала как раз логично укладываются в формулы современной фридманологии ⁷.

Наступило недолгое молчание. Ратибор, почувствовавший скуку – он уже знал выводы Вакулы, – вдруг уловил движение Железовского: человек-глыба смотрел на него изучающе и пристально, будто знал нечто компрометирующее своего подчиненного. Какое-то время они смотрели друг другу в глаза, и Ратибор даже заколебался – не сообщить ли Аристарху о странном визите и предупреждении? – но комиссар-два отвернулся, и желание исповедаться прошло...

Ратибор, пропустив мяч, очнулся и перехватил ракетку.

– Так что там насчет выстрела? – напомнил Макграт. – Это правда?

– Чепуха, не бери в голову. Хотя, с другой стороны, выстрел был, наш Гордей так и назвал этот феномен: Большой Выстрел. Ну, поехали?

Они сыграли два сета с попеременным успехом: оба в свое время были чемпионами УАСС и знали сильные и слабые стороны друг друга досконально. Спорт и сблизил их, далеких по характеру, увлечениям и желаниям. Потом на соседней площадке появились девушки, и Макграт, поприветствовав их поднятой ракеткой, предложил разбиться по парам и поиграть в парный теннис.

– Удобно ли? – засомневался Ратибор.

– А почему нет? Поиграем полчаса, потом станет жарко, и разбежимся. Заодно и познакомимся, холостяк.

Берестов улыбнулся. Макграт поднял брови:

– Чего ухмыляешься?

– Трудно представить безопасника-кобру в роли сводни.

– Зато оригинально. Я пообещал, что женю тебя даже вопреки твоему вкусу, и женю. Пошли.

Ратибор, посмеиваясь в душе – он знал о пристрастии товарища к слабому полу, – направился следом и вдруг в одной из девиц узнал Анастасию Демидову, эфналитика Института внеземных культур, которую намеревался разыскать сегодня вечером и выяснить, кто был ее спутником. Он остановился, исподволь разглядывая Анастасию и находя в ней многое из того,

---

⁶ Научная спекуляция – это выдвижение смелой, но еще недостаточно обоснованной гипотезы.

⁷ Фридманология – наука, соединяющая космологию и физику элементарных частиц.

что упустил при первой встрече: красивую фигуру, грацию спортсмена-профессионала и женственность, что в сочетании и составляет смысл субъективного термина «красота».

– Девочки, познакомьтесь, – весело сказал Макграт, шутливо обнимая вторую незнакомку за талию. Похоже, он их знал давно. – Это Ратибор, лучший кобра управления, драйвер-прима, рискнавт и вообще хороший парень. Поиграем двое на двое? Эй, Берестов, чего застрял?

Ратибор приблизился. Анастасия, оценив его взгляд, слабо улыбнулась и сказала тихо, чтобы услышал только он один:

– Разглядел? В номер?

– Вполне, – в тон девушке ответил Ратибор, внезапно осознав, что глаза у нее огромны, глубоки и умны. – Не ожидал встретить вас здесь, в управлении. Разве институт не имеет собственного спорткомплекса?

– Имеет, конечно, но я предпочитаю тренироваться здесь. Привыкла. Не возражаете?

– А если бы и возражал, что изменилось бы?

Анастасия засмеялась:

– Тоже верно. Кстати, не поверите, но заниматься теннисом я начала, глядя на вас, лет пять назад, когда впервые увидела вас на корте управления, – отец привел. Он в то время работал в техсекторе, не помните?

И Ратибор вспомнил. Инженер-синектор Андрей Демидов погиб во время экспериментальной проверки своей собственной оригинальной идеи – создать защиту человеческого тела путем упрочняющей обработки кожи. Идея оказалась слишком смелой для того времени: хотя изобретатель и смог добиться того, что человеческая кожа стала буквально непробиваемой и непроплавляемой броней, но одновременно она перестала быть и гибкой... Андрея Демидова так и похоронили – как высеченный из камня в натуральную величину монумент...

Пододошедший Макграт с подозрением посмотрел на Ратибора:

– Вы что, знакомы? А говорил – тихоня. Настя, ты вообще-то осторожней с ним, он умный, сильный и хитрый, и род его явно начинался с семейства кошачьих. Ратибор, ты будешь играть с Асият, а я с Настей, оставлять вас вдвоем опасно.

Ратибор ответил на веселые искры во взгляде Анастасии понимающей улыбкой и убежал на другую половину площадки, где его ожидала чернобровая и черноглазая Асият.

Но поиграть им не дали. Едва они обменялись несколькими ударами по мячу, причем Ратибор с интересом отметил силу и точность подачи Анастасии, как вдруг трижды пискнул браслет видеорации на руке. Берестов поднес браслет к виску и «увидел» пси-изображение (рация работала в пси-диапазоне и передавала изображение непосредственно в мозг владельца) – кокон поста связи отдела, и в нем призрачная фигура дежурного инка.

– Берестов, примите «джоггера» на двенадцать десять.

– Принял, – со вздохом ответил Ратибор. «Джоггер» – в английском языке это означает человека, бегущего трусцой, – был сигналом тревоги второй степени, когда исполнителю вменялось в обязанность явиться по вызову не на базу привязки, а в отдел не позднее чем через час.

– Что? – спросил через поле Макграт. – Уходишь?

– «Трусцой», – ответил Ратибор. – Прошу прощения, вынужден оставить столь славную компанию. Поиграем как-нибудь в следующий раз.

Не без сожаления он подкинул в руке мяч, подал и, помахав на прощание всем рукой, пошел к душевым автоматам. Анастасия догнала его за оградой площадки:

– Ратибор...

Удивленный безопасник оглянулся. Глаза девушки потемнели и выражали скрытую тревогу и неуверенность, будто она сама не знала, говорить или не говорить то, в чем не была уверена.

– Слушаю, Настя.
– Близкие друзья называют меня Стасей или Таей – это к слову. Габриэль просил передать: анализируйте каждый свой шаг там... в космосе... это поможет избежать...
– Чего? – с угрюмой насмешливостью поинтересовался Ратибор. – Простуды?
– Не смейтесь, – тихо сказала Анастасия. – Это очень серьезно. Он не предупреждал бы, если бы не был уверен в опасности вашего кенгуру. Пожалуйста, поверьте.
– Кто он, этот ваш Габриэль?
– Сейчас он проконсул ⁸ экспертного отдела ВКС, а раньше... я расскажу как-нибудь, когда вы вернетесь. Обещаете не лезть на рожон?
– Вы меня мало знаете, – улыбнулся Ратибор. – И все же обещаю. До встречи.
Ладонь у девушки была сильная и горячая, и отнимать ее из руки безопасника она не торопилась.

Железовский встретил Ратибора в холле управления. С ним был высокий, хорошо сложенный, черноволосый молодой человек со скуластым лицом в фирменном комби пограничника со знаками отличия командира обоймы риска.

– Знакомьтесь, – сиплым низким басом сказал комиссар-два, которого недаром прозвали человеком-глыбой – как за внешний вид и поведение, так и за каменный характер. – Кобра-один Дмитрий Демин, заменит Халида.

– А что, Халид не справился? – не удержался от вопроса Ратибор, вспоминая офицера-пограничника, принявшего у него дежурство по тревожной зоне со своей патрульной обоймой.

– Халид погиб, Демин вместо него. Отдыхать будешь позже, а вызвал я тебя потому, что в зоне БВ появились роиды. Твой зам Шадрин не справится. Бери обойму усиления и дуй обратно к гамме Гиппарха, стационарная «струна» метро уже запущена. Все оперативные вопросы – к Умнику, подключай свою рацию к треку.

Ратибор машинально погладил браслет пси-рации.

Железовский протянул руку:

– Возьми оперативную, браслет можешь снять.

Ратибор закрепил в ухе серьгу пси-рации, тотчас же отозвавшуюся тихим звоном включения компьютерной связи.

– Упаковка усиления?

– Миди. Кроме аварийщиков – эксперты, ксенопсихологи, коммуникаторы ⁹. Разберешься в обстановке, дашь знать. Ни пуха.

– К черту! – Ратибор повернулся и зашагал к лифту, чувствуя на затылке дыхание пограничника, у которого в ухе висела такая же блестящая металлическая «серьга» рации компьютерной связи.

Пока они добирались лифтом до метро ¹⁰, а потом на базу, с которой была проложена «струна» до гаммы Гиппарха, Умник поведал Ратибору историю гибели Халида.

Кобра-два погранслужбы Таукан Халид, принявший на себя ответственность за обеспечение безопасности космоплавания в районе гаммы Гиппарха, через который мчалась навстречу Солнечной системе невидимая и неосязаемая «пуля» Большого Выстрела, оставляя за собой странную «кильватерную струю», взбаламутившую вакуум до такой степени, что в нем начинали нарушаться законы известной человеку физики, был достаточно опытным погранич-

---

⁸ Прогноз-консультант.

⁹ Специалисты по контактам с иными цивилизациями.

¹⁰ Метро – система мгновенного транспорта.

ником и все же не смог правильно оценить ситуацию, когда в районе БВ появились роиды, как их называли ученые, или чужане, как привыкли называть все остальные.

Негуманоидная цивилизация чужан была открыта более ста десяти лет назад возле предгалактического шатуна ¹¹ – звезды Сотая Единорога, прятанной в туманности Чужая. Туманность, в свою очередь, пряталась от астрономов Земли за темными облаками пылевой материи и мчалась мимо галактического ядра с той же скоростью, что и знаменитая Черная Роза – облако пыли и газа, внутри которого печально известной экспедицией Гранта был обнаружен также предгалактический шатун с планетой Тартар.

Плотность пыли в окрестности вновь открытой звезды была небольшой, и земные разведчики, приблизившись к звезде, узрели на орбите вокруг нее странные тысячекилометровые образования, имеющие вполне осмысленные, геометрически точные конфигурации. Образования эти состояли из роев камней или тел, похожих на камни: черные глыбы с размерами от нескольких метров до сотни километров в поперечнике. А между роями сновали еще более странные объекты, похожие на земные радиоларии, только достигавшие трех-четырех километров в диаметре. Поскольку они часто перевозили внутри себя черные глыбы роидов, их стали называть «транспортными средствами» чужан, «космическими кораблями».

С людьми чужане в контакт вступить не пожелали, не обратив на них абсолютно никакого внимания, и продолжали заниматься своим таинственным астроинженерным трудом, дробя на камни планетоид, равный по размерам земной Луне. Прошло более ста лет со дня их открытия, но и до сих пор в контакт с людьми роиды вступать не спешили. Сменялись поколения контактеров и ксенопсихологов, защищались диссертации, ученые продолжали искать пути взаимопонимания с этими чудовищно далекими от всего земного существами, а они продолжали равнодушно делать свое дело и словно не замечали усилий братьев по разуму, упорно ищущих точки соприкосновения эмоциональных и психологических сфер.

Чужанский спейсер «проявился» в пространстве совсем недалеко от базового «пакмака» под командованием Халида и, как обычно, не обращая внимания на сигнализацию и вызовы, малым ходом двинулся к границам канала БВ, вокруг которого люди по мере его удлинения ставили проблесковые маяки. Халид сначала действовал по инструкции, используя весь арсенал средств связи, а когда это не помогло – направил свой осевой драккар вдогонку за чужанским «китом». Он дважды догонял корабль и становился на его пути, наглядно демонстрируя свое желание остановить чужан, а на третий – канал БВ «нанизал» драккар на молнию пространственного разряда, задев и чужанский корабль. От корабля Халида не осталось ничего, даже пыли...

Зал специального метро базы, с которой была проложена линия мгновенного движения в район Гиппарха, напоминал Ратибору встревоженный муравейник, хотя, приглядевшись, можно было понять – все здесь подчиняется сложному закону обеспечения порядка управления человеческой метелью. Прибывшие хорошо разбирались в этой обстановке и сначала разыскивали группу усиления – пятнадцать человек разного возраста и телосложения, но с одинаковым выражением ожидания и нетерпения на лицах. Представились. Пожелали успеха друг другу. Люди гуськом потянулись к стартовой камере – группа была уже экипирована. Затем наступил черед Ратибора и пограничника. Их сначала засунули в бокс подготовки, заставили пройти медконтроль, переодели в скафандровые комплексы с персональными компьютерами, накормили тонизирующим желе и только после этого впахнули в старт-камеру метро. А уже через минуту они выходили из финиш-камеры спейсера погранслужбы «Перун», играющего роль передвижной базы обеспечения. Их встретил второй пилот спейсера – судя по нашивке на рукаве кокоса.

– Обойму приняли? – спросил Ратибор.

¹¹ Предгалактические шатуны – звезды, родившиеся раньше галактик.

– Она уже в походе, «пакмак» семнадцать, – ответил пилот. – Ожидают вас за бортом.
– Задача ясна? – Ратибор повернулся к Демину, не промолвившему ни слова со времени знакомства.
– Вполне, – лаконично ответил пограничник. – Жду связи.
– Ждите. – Ратибор протянул руку. – Попробуем поработать в связке и не наделать ошибок. Почему я не встречал вас раньше?
– Наверное, потому, что я недавно вернулся из глубокой разведки.
– Большое Магелланово? Андромеда?
– Треугольник ¹².
– Неплохая характеристика. Только не лезь на рожон, демонстрируя бесстрашие.
– Не полезу. – По губам Демина скользнула тонкая усмешка. – Я чту «три эс» вашего шефа.

Ратибор прищурился, с новым интересом взглянув на собеседника; знаменитые законы развития Железовского, известные под названием «три эс», означали: самоанализ, самоконтроль, самосовершенствование.

– Тогда сработаемся.

Демин кивнул:

– Возражений нет. Для краткости по связи можешь называть меня просто – ДД.

Ладонь у него была широкая и твердая. Ратибор невольно вспомнил ладонь Анастасии и вздохнул: встреча с девушкой снова оттягивалась на неопределенное время.

Разошлись в разные стороны: пограничник – в зал координации, Ратибор в сопровождении пилота – в транспортный отсек, где его ждал патрульный когт. Еще через четверть часа он входил в «гнездо» управления драккаром «пакмака», рассчитанное на трех человек. Шадрин, вечно взъерошенный, суевливый, что было заметно, даже несмотря на скафандр, ждал Берестова, готовясь уступить ему место. Они хлопнули друг друга по плечу. И заместитель вылез из центрального кокона, пересев в пустующий соседний.

– Подробности гибели Халида известны?

– Какие там подробности – наткнулся на «искру», и все. Слишком близко подошел к БВ.

– Не мог пустить вперед беспилотную машину? Пограничники с опытом кобры не должны допускать таких проколов. Жаль парня.

– Жаль, – согласился Шадрин.

Ратибор упал спиной в мягкие захваты кокона, проверил подсоединение всех коммуникаций своего скафандра к оборудованию кресла и только тогда включил обзор и одновременно считывание информации: сигналы всех датчиков и видеокамер драккара подавались непосредственно в мозг пилоту, и поэтому «гнездо» рубки имело изнутри вид ребристой полости с двумя небольшими выступами перед креслами-коконами пилотов; при необходимости выступы трансформировались в пульта ручного управления, однако на памяти Ратибора такого не случалось ни разу, надежность «пакмаков» была стопроцентной.

– Научники Гордея ведут себя хорошо? – спросил он.

– Нормально, – ответил Шадрин. – Извини, командир, сожалею, что не смог уговорить Железовского дать тебе отдохнуть, мы бы потерпели.

– Ничего, все нормально. Где чужане?

– Первый дрейфует параллельно каналу БВ в ста мегаметрах – практически в зоне непрогнозируемого риска, вероятно, он поврежден, а второй крутится рядом, то и дело натываясь на маяки.

– «Семнадцатый», как слышите?

---

¹² Одна из ближайших к нашей галактик.

– Слышу хорошо, старший обоймы Ерохин. Оперинформацию принял, жду целеуказаний.

– Ваша цель – чужанин, крутите свои программы, с вами в связке будет работать «пакмак»-девять. «Девятка» – понял?

– Так точно, командир. «Семнадцатый», ложись в кильватере по пеленгу.

– ДД, я Берестов, как слышишь? – Четко, – ответил спокойно Демин. – Приступили?

– Приступили. – Ратибор дал в эфир сигнал «всем связь», получил в ответ длинную очередь зеленых огней и цифр: ведомые модули «пакмака» докладывали о готовности к работе с новым координатором, заменившим Шадрина.

– Вперед, – бросил Ратибор инку драккара, – выходи на поврежденного чужанина.

– Что ты задумал, Берестов? – спросил Демин.

– Пока ничего, посмотрю. Надо попробовать вытащить его из зоны, он явно нуждается в помощи.

– Если бы они нуждались в помощи, – хмыкнул Шадрин, – то второй давно вытащил бы своего коллегу, а он что-то не торопится.

– Разберемся.

Ратибор снова вспомнил умоляющий взгляд Анастасии и просьбу «не лезть на рожон».

ЧУЖАНЕ

Железовский вошел бесшумно и невольно слышал последние фразы диалога.

– Вы потеряли уже двоих! – резко сказала Боянова, стоя к Эрбергу вполоборота. – А корректного объяснения случившегося нет до сих пор. В чем дело?

– Это погранзона! – угрюмо проговорил командир пограничной службы, одетый в официальный костюм пограничника: темно-зеленый полукомби, серый галстук, серые туфли. – Зона непрогнозируемого риска.

– Но теряем-то мы не просто людей, теряем профессионалов, пограничников. В чем дело? Плохая подготовка кадров?

Эрберг пожевал губами, но промолчал.

Железовский кашлянул. Собеседники повернулись к нему, потом командир наклонил голову, сказал: «Я доложу вам о принятых мерах», – и вышел. Боянова и комиссар-два отдела безопасности остались одни.

– М-да, – сказала председатель СЭКОНа, разглядывая нового посетителя. – Сегодня неудачный день, одни неприятности. Итак, другарь Аристарх, что это может быть? – Боянова дежурным жестом, не думая, поправила пышные волосы, мельком взглянув на свое отражение в зеркале противоположной стены, и перевела взгляд на виом, показывающий объемное изображение необычной конструкции, похожей на тонкий и длинный побег бамбука в «шубе» острых шипов, игл и ворсинок. – Садись, поговорим сидя, у меня есть несколько минут.

Железовский опустился в предложенное ему кресло и застыл каменной скульптурой уставшего олимпийца. Будучи по натуре домоседом, он решал все вопросы, практически не выходя за пределы управления, максимально используя возможности видео– и пси-связи, но к председателю комиссии социального контроля он являлся – и для этого имелись свои причины – не визуально, а материально.

– Канал Большого Выстрела – следствие, – пробасил он, поняв вопрос. – Причин же не видит пока никто: ни эфналитики-безопасники, ни научники.

– Никто, – задумчиво повторила Боянова, поднося палец к острому концу «побега». – А через год «пуля» достигнет Системы... Ты представляешь, что произойдет?

Железовский ответил не сразу:

– Через два дня БВ воткнется в омегу Гиппарха... посмотрим. Хотя уже сейчас эфналитики выдали прогноз столкновения.

Председатель СЭКОНа очнулась, выключила виом, изображение «бамбукового побега» – ствола Большого Выстрела – исчезло.

– Да, это, наверное, будет захватывающее зрелище. И все же – что это может быть? Какая такая «пуля» способна оставлять за собой столь странный и грозный след?

Железовский снова помолчал, прежде чем ответить:

– Все земные физические ПОБы ¹³ вскрыты и подсоединены к инку управления, но ни в прошлом, ни в настоящем прецедента не нашлось, нет никаких теоретических предпосылок явления. Земная физика никогда не сталкивалась ни с чем подобным.

– Категорично. А Тартар? А Конструктор?

– Тартар учеными практически разгадан, а Конструктор... прошло уже сто десять лет, как он ушел... – Железовский пристально посмотрел на Боянову, шевельнувшись так, что по телу вспухли и перекатились бугры мышц. – Неужели ты предполагаешь?..

– Я размышляю вслух, – улыбнулась Боянова. – Но давай сопоставим кое-какие факты. В стволе Большого Выстрела, как ты сам говорил, с веществом и даже с вакуумом происходят

---

¹³ Проблемно-ориентированные банки данных.

странные вещи. Меняется топология пространства, из «плоского» евклидова оно переходит в пространства сложных порядков. В обычном мире системы из многих связанных протонов не существуют, а в канале БВ они конденсируются спонтанно... Начинают вдруг сказываться эффекты гипергеометрии, особенно разительны примеры с биологическими объектами.

Железовский вспомнил Тршеблицкого, хотел что-то сказать, но передумал.

– Это не наша физика, – продолжала Боянова, – это физика «а-ля Конструктор». Всех подробностей его появления в Системе ты можешь и не помнить, но на Марсе, похудевшем на одну треть после рождения Конструктора, надеюсь, бывал. Информации в управлении, а тем более в банках вашего отдела более чем достаточно. Если Большой Выстрел и не связан с Конструктором, то вы будете вооружены нестандартной концепцией жизни таких разумных колоссов, а подобные явления настолько неординарны, что я удивлюсь, если БВ не будет связан с чем-то вроде этого.

– Ты предполагаешь, что «пуля» – это Конструктор? – упрямо спросил Железовский.

Боянова едва заметно поморщилась. Она давно знала комиссара-два отдела безопасности, славившегося бульдожьей хваткой, недюжинной целеустремленностью и настойчивостью и неожиданной для такого накачанного силой человека-глыбы способностью к блестящей импровизации, но иногда Железовский становился удивительно прямолинейным.

– Я не сказала «да», милорд. – В голосе председателя СЭКОНа явственно прозвучала ирония. – Комплекс проблем под названием Конструктор потрясал ученых полстолетия после ухода самого Конструктора из Галактики. Ознакомься с полным сводом данных, накопленных твоими предшественниками, дай «пожевать» их Умнику, проанализируй все возможные связи БВ с явлением, продемонстрированным некогда родившимся Конструктором, и я созову вече. Мы с тобой одинаково ответственны перед человечеством за его космическую безопасность. Помни, «пуля» БВ достигнет Солнца через год... если ничего не случится.

– По данным ученых, скорость роста канала замедляется, – нехотя проговорил Железовский и встал. – Я не совсем тебя понял, Забава, и у человеческой интуиции есть предел, но я знаю, что такое перестраховка. Я перестрахуюсь, хотя и не верю, что это след... вашего Конструктора.

– Вашего... – задумчиво повторила Боянова, пребывая явно в минорном настроении. – Боюсь, он станет общим. Ты прав, у человеческой интуиции есть пределы, как и у человеческой фантазии, нет их только у природы. Поэт как-то сказал: есть предел для печали, но нет для тревоги... Не забывай, что у нас с тобой есть еще один повод для тревоги: чужане.

Железовский, налитый угрюмой, но сдержанной силой, поклонился и вышел. Боянова смотрела ему вслед, прищурясь, словно вдруг засомневалась, справится ли он с задачей, не видя ее объемов, однако думала она в этот момент о другом.

Спейсер «Перун» был машиной пространства одиннадцатого поколения и от первых машин подобного типа отличался, как паровоз Черепанова от ракетных кораблей, впервые порвавших пути земного тяготения. Управлялся он экипажем из трех человек: пилотами драйвер-прима и драйвер-секунда и командиром, вычислителем-математиком первого класса Морицем Кошшуттом. Остальной экипаж заменял координатор спейсера, киберинтеллект по имени Белбог. Размеры спейсера вряд ли потрясли бы современника, привыкшего мерить пространство не километрами и даже не миллионами километров, а сотнями парсеков, к тому же «Перун» уступал в размерах первым спейсерам «струнных» формул, но по энерговооруженности один этот спейсер на два порядка превосходил весь космофлот Земли прошлого столетия.

Он мог трансформировать свое трехсотпятидесятиметровое тело в широком диапазоне форм, в зависимости от внешних условий или конкретного задания, теперь же, находясь в положении «тревога первой степени» возле растущего канала Большого Выстрела, «Перун»

представлял собой трезубец с короткой, по сравнению с «зубьями», рукоятью и мог при необходимости разделиться на три обособленных аппарата.

Железовский появился в координационном зале спейсера один и, поздоровавшись с «закукленными» в креслах управления Деминым и двумя пограничниками из его команды, с трудом втиснулся в пустующий кокон – всего в зале было пять кресел.

Зал координации спейсера «залом» назывался по традиции, в нем было ровно столько свободного пространства, сколько требовалось для размещения трехметровых эллипсоидов рабочих кокон-кресел, но были и отличия от рубок управления другой космической техники: кресла этого зала могли перемещаться по всему кораблю как своеобразные лифты и даже выстреливаться в космос, имея все необходимое оборудование для недолгого автономного существования. Обычная видеотехника здесь, однако, тоже отсутствовала, сигналы видеокамер внешнего обзора и внутренней связи передавались непосредственно в мозг обитателям кресел, хотя существовало и общее аварийное ручное управление со стереооптической видео-системой.

Включившись в сеть «спрута» – компьютерной связи, объединившей все земные исследовательские и пограничные корабли, Железовский сообщил в эфир, что он не отменяет распорядка ЧП-вахты, ответил на приветствия Берестова и ксенопсихологов и быстро «пролистал» поданную Белбогом информацию. После этого стал наблюдать за действиями безопасников, пытавшихся отбуксировать поврежденный чужанский корабль в сторону от опасного соседства Большого Выстрела; маяки уже работали и высвечивали канал таким образом, что он, ничем не отличимый визуально от обычного пустого пространства, становился видимым интеллект-автоматике земных кораблей, а она уже рисовала ствол БВ своим повелителям.

Чужанский корабль больше всего напоминал скелет исполинского кита, внутренности которого заросли металлической паутиной, скрывающей какие-то наросты и «внутренние органы». Вся архитектура этого сложного сооружения подчинялась явно неземной логике и обычного человека привела бы в содрогание; ни одну из его функций по внешнему виду вычислить было невозможно. Единственное, что установили ксенопсихологи, вынужденные исследовать цивилизацию роидов косвенными методами, – чужанские корабли не были собственно машинами для преодоления пространства, эту функцию они выполняли вынужденно.

Поскольку второй корабль роидов не предпринял ни одной попытки спасти своих соотечественников и не ответил ни на один сигнал земных кораблей, люди решили действовать самостоятельно, на свой страх и риск. В тот момент, когда Железовский прибыл на «Перун», три беспилотных модуля из команды Берестова уже подходили к туше чужанина, прикрываясь энергоэкранами, а затем выстрелили по нему магнитными кошками, словно китобои в кита.

Кошки с хвостами тросов достигли цели и нашли места, где смогли намертво вцепиться в обшивку чужого корабля. Модули сдали назад, на всю длину тросов, и включили генераторы разгона. Несколько минут казалось, что стронуть тушу чужанского спейсера с места (на самом деле он дрейфовал со скоростью около трехсот километров в секунду) не удастся, однако постепенно стали заметны изменения в его движении: «скелет кита» – четыре километра по длине и восемьсот метров в поперечнике самой широкой части «головы» – стал уходить от невидимого тоннеля БВ. Спустя час он удалился от него на сто пятьдесят тысяч километров – расстояние, признанное расстоянием «критического сечения» канала, за которым космоплавание считалось безопасным, и сразу же к чужанину прибыл «пакмак» ксенопсихологов.

Новый командир пограничников из вежливости подождал реакции комиссара-два, но, поскольку распоряжений не поступило, принялся командовать сам, обходясь минимумом слов повелительного наклонения и тем не менее отлично чувствуя зону действия безопасников, которыми командовал Ратибор Берестов.

Железовский не вмешался и в тот момент, когда у поврежденного чужанского корабля появился его рыщущий неподалеку собрат. Заблаговременно предупрежденные земные аппараты убрались от греха подальше, последним от исполина отошел драккар Берестова.

– Пробит навывлет по всей длине, – сообщил Ратибор. – Вряд ли подлежит ремонту. Ведомые, дайте в эфир соображения.

– Мы обнаружили две «пещеры» с роидами, – отозвался начальник смены усиления. – Одна разгерметизирована, что-то у них там лопнуло или взорвалось, в живых, наверное, не осталось никого, роиды бестолково летают в невесомости, сталкиваются и не реагируют на столкновения, а во второй «пещере» – она здорово напоминает пост управления или что-то в таком роде – есть живые, судя по электромагнитной пульсации и пси-фону. Если бы не тревога, мы смогли бы установить точно.

– И, несмотря на это, второй на помощь своим не спешил, – пробормотал кто-то.

– Значит, у них были свои резоны, – ответил только что говоривший ученый. – Логика негуманоидов до сих пор остается притчей во языцех, несмотря на столетие ее изучения.

– Сколько чужан в посту управления? – спросил неожиданно Железовский.

Разговоры стихли, лишь изредка компьютерная связь доносила тихие будничные переговоры сторожевых пограничных постов.

– Я думаю, не больше сотни, – ответил после недолгого молчания исследователь. – Точно подсчитать их количество невозможно, там их больше тысячи. Дело в том, что «пост управления» чужанским кораблем – это, по сути, «арбуз», зернышками в котором являются роиды...

– Что он делает? – раздался вдруг чей-то изумленный возглас.

Второй чужанский корабль подошел вплотную к первому и выбросил нечто вроде длинной белой струи, которая прилипла к носу поврежденного колосса и раздулась в полупрозрачный водянистый шар. Затем шар загорелся с одной стороны злым зеленым пламенем, так что видеокамеры земных аппаратов вынуждены были применить светофильтры, а чужанский монстр стал... удаляться!

Координатор «Перуна» первым разобрался в происходящем.

– Это какой-то вид экзодвигателя, – сказал он. – Внешнее сгорание с векторной инициацией, регуляция тяги отсутствует, управление тоже. Судя по ускорению, импульс тяги очень мощный, до трех тысяч тонн в секунду.

– Куда он направляется? – отрывисто бросил Железовский.

– В сторону БВ.

В эфире снова повисла тишина, взорвавшаяся хором изумленных, негодующих, недоуменных возгласов.

– Зачем это им? – спросил Демин негромко. – Они что, с ума посходили? Внутри же их живые соотечественники... Кто там говорил о логике?

Кто-то из ученых-ксенопсихологов начал было оправдываться, но Железовский его перебил:

– Ратибор, твое мнение?

– Может быть, они решили проверить воздействие канала БВ на своих и посмотреть, что будет?

– Твое решение?

– Императив «блок»¹⁴.

– Согласен. Белбог, расчет траектории, характеристики движения, задачу трех тел для остановки уходящего груза. Внимание, обоймам ЧП-вахты: «пакмаки» три-одиннадцать –

---

¹⁴ Специалистами УАСС и отдела безопасности разработаны штатные режимы (императивы) работы групп риска в разных условиях, и компьютерам при их применении нужно только пересчитать режимы в соответствии с конкретной ситуацией.

императив «блок», главный исполнитель – Берестов. ДД, твоя задача – чужанский спейсер. Блокируй все его попытки помешать Берестову.

– Понял.

И началась обработка всего сложного комплекса расчетов, анализа обстановки, команд и действий земных кораблей, подчиненных поставленной цели, и единственным человеком, который сомневался в правильности этого решения, был комиссар-два отдела безопасности Аристарх Железовский, не имевший права сомневаться.

Чужане ушли.

Неизвестно, поняли они или нет урок, преподанный им людьми, но после того, как поврежденный спейсер был остановлен и двигатель его, «вывернутый наизнанку», отстрелен, второй корабль – жуткая конструкция, напоминающая околевшего в судороге броненосца длиной в два с лишним километра, – даже не попытавшись установить, в чем дело, просто исчез: чужане тоже умели свертывать пространство в одномерные «суперструны», преодолевая гигантские межзвездные расстояния практически мгновенно.

Ошеломленные земляне подивились на опустевший район дрейфа чужанского спейсера, потом на оставшийся поврежденный корабль, не зная, что делать с неожиданным «подарком» (обрадовались ему только ксенологи, получившие интересовавший их объект для исследований, о коем и не смели мечтать), однако дивились недолго: спустя несколько минут после ухода «броненосца» оставленный «кит» взорвался! Осколки, хотя и редкие, разлетелись по странному обстоятельству не в разные стороны, а двумя струями, причем одна струя хлестнула по двум «пакмакам» исследователей, к счастью закутанным в «саван» полевой защиты. Никто не пострадал.

По общему мнению, лишь один человек не удивился происшедшим событиям – прибывший буквально к развязке драмы Аристарх Железовский. Он пресек попытки ученых устроить в эфире дискуссию, уточнил дальнейший график работ исследователей с их руководителем, выслушал предлагаемые Деминым меры по усилению погранвахты и отбыл на Землю, приказав Ратибору явиться в отдел после того, как след Большого Выстрела минует омегу Гиппарха.

Ратибор сказал «есть», переглянулся с Шадринным, затем снял эмкан рации, втянувшийся в обивку кокона, и вышел из кресла.

– Хочу есть, – сказал он, с удовольствием потянувшись, – а ты осуществляй императив «Аргус». Пойду к пограничникам, поем в нормальной кают-компании с ДД. Ты его знаешь?

– Самую малость, – ответил Шадрин, включенный в общую сеть «спрута» и личные переговоры вести не имевший возможности. – Говорят, умен и силен, смел, но не до безрассудства. Лидер. Как и ты.

– Что ж, вполне объективное суждение, – буркнул Ратибор, не моргнув глазом. – О тебе, например, этого не скажешь.

– И не надо, я не претендую, не все рождаются лидерами.

– Ну, тогда я пошел.

Ратибор перебрался на «Перун», где его встретил предупрежденный заранее Демин, проводил в кают-компанию спейсера, рассчитанную на вдумчивое вкушение пищи и приятную беседу двух десятков человек. На этот раз беседующих и вкушающих было всего двое.

– Как тебе чужане? – спросил уравновешенный и внимательный Дмитрий. – Я не силен в психологии негуманоидов, но их поступок, по-моему, оправдать невозможно.

– Наши представления о добре и зле, о гуманизме вообще всегда имели конкретно-исторический, изменяющийся характер и определялись социально-классовыми факторами соответственно формуле: все в мире относительно. – Ратибор прожевал листик салата, глотнул солонато-терпкого солара, поднимающего аппетит. – С другой стороны, жизнь разумного существа священна во всех проявлениях, и с этой точки зрения понять роидов трудно. Но ты прав, в

этом вопросе мы с тобой дилетанты, и наши охи да ахи вполне соответствуют уровню нашей некомпетентности, потому что шкалы ценностных ориентаций у нас и у чужан не совпадают.

Помолчали, доедая запеченные в соусе грибы.

– Зачем тебя вызвал шеф?

Ратибор промокнул губы, взял запотевший стакан с клюквенным морсом:

– Видимо, хочет дать новое задание, каким-то образом связанное с этим, я его уже изучил.

– Интересный мужик. Наверное, надежен как скала. Во всяком случае, у меня создалось такое впечатление.

– Что есть, то есть. – Ратибор не любил делиться собственным мнением о другом человеке, хотя мог бы сообщить, что Аристарх Железовский способен обидеть кого угодно и не заметить этого, что он редкостно упрям и зачастую идет к намеченной цели, не жалея ни себя, ни других, проламывая путь и обдираясь в кровь... И все же руководитель он от бога...

– Шутники говорят, чтобы с ним сработаться, нужно защитить диссертацию: «Может ли железо чувствовать?»

– Они не правы.

– А за что его прозвали «роденовским мыслителем»?

Ратибор промолчал. Демин понял недосказанное товарищем и перевел разговор на другую тему.

– Ты знаешь, со мной произошел странный случай... – Пограничник посмотрел на собеседника сквозь стакан. – Буквально перед кенгуру мне позвонил сюда какой-то тип и предупредил, чтобы я держался от БВ подальше... – Дмитрий замолчал, потому что увидел, какое впечатление его слова произвели на Берестова. – Ты что?

Ратибор тихонько присвистнул:

– Как он выглядит?

– В том-то и дело, что не знаю, обратку мой таинственный корреспондент не включил. Голос глуховатый, но твердый и далеко не веселый, так что шуткой не пахло. А когда я спросил, с кем имею дело, ответил: «Не имеет значения», – и вырубил связь.

– М-да, – проговорил Ратибор, вспоминая, какой голос был у Габриэля, спутника Анастасии Демидовой, – далеко не глуховатый, а, наоборот, звучный, глубокого чарующего тембра. – Не поверишь, но со мной тоже случилось нечто подобное, только гость явился ко мне воочию, вернее, гости. – Берестов рассказал о визите Насти и Габриэля. – Интересно, откуда они, мои визитеры и твой информатор, знали, что именно мы будем работать с БВ? И что БВ так опасен?

– Вот именно, – кивнул пограничник, умело скрывая свои чувства. – Может быть, они в таком случае знают, что есть БВ на самом деле?

– Вполне допускаю. Я давно собирался поговорить об этом с Нас... Анастасией напрямую, да все времени не было, теперь непременно поговорю.

– Благо это прекрасный повод для встречи, – хладнокровно сказал Демин.

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись. Приятный парень, подумал Ратибор, жаль, что я не знал его раньше. Пожалуй, он не менее надежен, чем я сам.

– Что же это такое? – задумчиво произнес Демин, включив стену виома, распахнувшую черный зев космоса с редким бисером звезд. Канал Большого Выстрела обычные видеокамеры не фиксировали, и космос везде был одинаково бездонен.

– След выстрела... – пробормотал Ратибор.

– Да, но кто так точно выстрелил по Солнечной системе и, главное, чем? Не можем же мы успокаивать себя, как древние философы, твердившие в таких случаях: никто, никуда, ниоткуда. Я не суеверен, но у меня сформировалось жуткое мистическое ощущение, будто я знаю, что это такое. Вернее, знал, но забыл. Причуды ложной памяти? Говорят, такое бывает.

– Со мной то же самое, – глухо сказал Ратибор, вставая. – Видимо, одинаково работает экстрасенсорная... Я пошел к себе, сударь, держи связь. Покручусь вдоль трассы и выйду к омеге Гиппарха, интересно посмотреть, как БВ пройдет по звезде. Как ты думаешь, чужане ушли насовсем или еще появятся?

– А ты бы ушел?

– Я – нет, – подумав, ответил Ратибор. – Но я не чужанин.

Демин засмеялся:

– Ты думаешь, это достоинство?

Безопасник улыбнулся в ответ, хлопнул ладонью по подставленной ладони пограничника и вышел из уютной кают-компания спейсера.

Устроившись у себя «дома» – в рубке драккара и перекинувшись парой слов с Шадриным, он дал в эфир позывной переключки, выслушал рапорты всех смен и скомандовал компьютеру шлюпа джамп-режим.

Обыденная рутинная инспекторская работа... если бы не загадочные намеки неизвестных благодетелей об особой опасности канала Большого Выстрела. Интересно, подумал Ратибор, а грифу Тршеблицкому тоже являлся предсказатель или он предупреждает только избранных?..

Столкновения визуально не наблюдаемого, стремительно вспарывающего пространство канала БВ со звездной системой омеги Гиппарха ждали четыре десятка земных аппаратов разных классов и два чужанских «динозавра», не отвечавших на запросы людей. Правда, Демин, посоветовавшись с Ратибором, запретил исследователям надоедать гостям, и представители разных рас теперь лишь молча «косились» друг на друга, ожидая главного события. Никто не знал, что произойдет, если луч БВ воткнется в звезду, но было точно рассчитано, что колоссальная труба неведомого «пробоя вакуума» омегу Гиппарха, звезду редкого класса голубых карликов с температурой фотосферы в тридцать тысяч градусов, не минует. Кроме того, существовала вероятность, что канал заденет одну из планет системы и кометное кольцо.

Драккар Берестова висел в ста миллионах километров от звезды точно на линии полюса эклиптики, но к нему сводились видеопередачи СВС ¹⁵ со всех зондов и модулей дежурного «пакмака», поэтому при желании Ратибор мог переключать диапазоны зрения на любое расстояние, хотя видеокартинка от этого не менялась: голубой карлик омега Гиппарха был дьявольски ярок и опутан волосатой короной протуберанцев.

Канал БВ миновал звезду в десять ноль-две по зависимому времени ЧП-вахты, но лишь спустя девять минут начали сказываться эффекты «процессов с отрицательной вероятностью», реализующихся внутри столба Большого Выстрела. Звезда сначала усилила блеск, буквально на несколько секунд, и стала темнеть, меняя цвет с голубого на белый, потом желтый, оранжевый и так далее, проходя всю гамму до красного и коричневого. Через час перед потрясенными людьми – оптика позволяла видеть это до мельчайших подробностей – висел вместо раскаленного шара звезды странный шарообразный объект остывшей и сжавшейся материи, который трудно было назвать планетой, а тем более звездой, потому что, судя по сообщениям анализаторов, он состоял из сложных соединений металлов от магния до осмия и полуметаллов от сурьмы до висмута. Причем верхний слой этого сфероида диаметром в двадцать две тысячи километров представлял собой нечто похожее на губку или слой мха: невообразимое переплетение тонких и толстых нитей, растяжек, стеблей и перепонки!

– Вот это да-а! – нарушил кто-то молчание, и снова тишина завладела эфиром, ученые, пограничники и безопасники переваривали увиденное, постепенно приходя в себя.

---

¹⁵ СВС – суперструнная видеосвязь, использующая принципы свертки пространства.

– Берестов, Белбог посчитал, что звезда... м-м... омега Гиппарха скоро выйдет из канала, – раздался голос старшего исследовательской группы.

– И что из этого следует? – поинтересовался Берестов.

– Можете послать десант. Это же невероятнейший подарок судьбы! Ни с чем подобным мы еще не сталкивались! И ведь никакой тебе радиации, а?! А гравитация на этом... металлоиде вполне преодолима и нашими силами.

– Я подумаю.

Шадрин, сидевший в своем кокон-кресле с видом нахохлившегося воробья, снял вдруг эмкан пси-связи и сказал, проведя рукой по волосам:

– Боря, то же будет и с Солнцем... дойди БВ до него!

Ратибор представил себе эту картину, и ледяной озноб охватил его спину.

– Оператор вахты, – вызвал он командира пограничников официальным тоном, – моя личная помощь вам нужна?

– Нет, – ответил Демин, поняв его состояние. – Если роиды не будут мешать, проблем не вижу.

– Чужане – наша забота, работайте спокойно. Оставляю смену усиления в вашем распоряжении, хотя и я особых проблем не вижу. Кроме научных. До связи на Земле.

А когда Ратибор уже перебрался на «Перун» и собирался шагнуть в старт-камеру «струнного» моста между спейсером и Землей, рация донесла «голос» координирующего работу земных кораблей компьютера:

– Чужане передали сообщение. Передача импульсная, ускоренная, многодиапазонная, полный перевод выполнить не могу, но смысл передачи таков: «Прорыв... это прорыв... уже было... внимательность максимально предельно... возвращается пресапиенс... последний из предтеч... это предупреждение...».

– Черт возьми! – донесся возглас Шадрина. – Что это с ним?! Роиды заговорили с нами?

– Ну и ну! – покачал головой сопровождавший Ратибора Демин. – Видать, БВ действительно опасная штука, если даже чужане решили вдруг предупредить нас. Наблюдение, как они ведут себя?

– Ушли, – доложил наблюдатель. – Оба, сразу после предупреждения.

– У меня ощущение, что главные тревоги у нас впереди, – пробормотал Ратибор. – Шеф не зря вызывает меня домой, все решится там. И главные события скорее всего развернутся на подходах к Системе. Как ты думаешь, что хотели сказать чужане? Что за «пресапиенс» возвращается? Откуда?

– Вопрос не по адресу. Вспомни Хаббарда: «Не понимающий вашего молчания, вероятно, не поймет и ваших слов». Таковы наши отношения с чужанами: не понимая их молчания, мы не поняли, когда они заговорили.

Ратибор поднял вверх два пальца в виде буквы V и шагнул в камеру метро.

Они стояли на балюстраде, опоясывающей помещение транспортно-грузового каскада базы «Радимич-1», и смотрели, как непрерывным потоком плывут на силовых подвесках транспортеров трехметровые ажурные диски с уплотнениями внутри – зонды с датчиками для измерения параметров вакуума. Зонды сотнями выстреливались в «тело» Большого Выстрела, чтобы люди могли точно знать контуры канала и его направление, и почти на все сто процентов выходили из строя, попадая в область с измененными свойствами «пустого» пространства, поэтому зондов требовалось много, и два приземельских завода гнали их массовым производством по десять тысяч штук в день.

– Скорость канала падает, – сказал Ратибор, терпеливо дожидаясь, пока глава отдела безопасности соизволит заговорить. – А диаметр его сужается, теперь он равен всего ста двадцати

миллионам километров. Эфналитики подсчитали, что к моменту, когда скорость роста БВ достигнет скорости света, его диаметр составит примерно двадцать тысяч километров.

– И наступит этот момент через год, – раздался сзади женский голос. – Добрый день, джентльмены.

Безопасники оглянулись. К ним подходила Забава Боянова, которой можно было издали дать не больше тридцати лет. Впрочем, признался себе Ратибор, и вблизи тоже.

– Если ваш БВ будет мчаться в том же направлении, – продолжала председатель СЭКОНа, – то, несмотря на снижение скорости, он воткнется в Систему, а вы уже видели, на что он способен. Что вы собираетесь предпринять в связи с этим?

– Конкретные меры зависят от конкретных советов ученых, – проговорил наконец Железовский, попытавшийся проникнуть мысленным взором в пси-сферу женщины, – а не от общих теоретических построений. Да, ты права, наверное, это возвращается Конструктор, чужане косвенно подтвердили твой прогноз, назвав БВ следом «пресапиенса», но время у нас еще есть. Необходим полный объем информации по Конструктору, чтобы подготовиться к его приходу, когда он выйдет из нынешнего «потустороннего» состояния. Работать по нему будут кобра-один отдела Ратибор Берестов и команда Вакулы.

– Не теряйте времени, джентльмены. Конструктор – это настолько серьезный и опасный объект, что возвращение его по степени непрогнозируемой опасности сравнимо разве что с общегалактической катастрофой. Останки Марса тому свидетельство, а ведь тогда произошло всего лишь рождение младенца. Возвращается же спустя сто с лишним лет сверхсущество, психика, этика и мораль которого настолько далеки от человеческих, что даже провал между этикой и моралью людей и негуманоидов вроде чужан или орилоухов гораздо меньше, чем пропасть между нами и Конструктором.

Железовский засопел, но промолчал. Боянова оценивающе посмотрела на Ратибора, в голосе ее прозвучало сомнение:

– Молодой человек, сколько вам лет?

– Двадцать девять.

– А как долго вы работаете в отделе?

– Три года.

– Он с девятнадцати в аварийно-спасательной службе, – буркнул Железовский. – С двадцати двух – в погранслужбе, закончил Брянский политех по специальности «оргтехнология», так что опыта ему не занимать. Кстати, спасение «Чернавы» – по сути, его заслуга.

Боянова с новым интересом взглянула на Берестова, стоявшего с непроницаемым видом.

– Что касается опыта, то, как сказал Генри Шоу, «опыт увеличивает нашу мудрость, но не уменьшает глупости». Вы согласны, молодой человек?

– Вполне, – невозмутимо отвечивал Ратибор.

– Что ж, попробуйте поиграть в эту игру, хотя Конструктор – игрок непредсказуемый.

– Человек тоже непредсказуем, – сказал Железовский с неодобрением и вызовом, причины которого Ратибор не понял.

Боянова не ответила, все еще рассматривая Ратибора. Лицо ее стало задумчивым, возраст проступил на нем более отчетливо.

– Так это вы, стало быть, герой истории с «Чернавой»? Я не сразу связала фамилию Берестов с фамилией того парня. Пожалуй, этот факт биографии говорит кое о каких задатках, осталось только реализовать их. Один – ноль в пользу вашего выбора, Аристарх. Вот что я вам посоветую, молодой человек: прежде чем начать изучение предыстории Конструктора, изучите историю наших отношений с чужанами, это очень полезная история и весьма поучительная. А потом найдите проконсула Габриэля Грехова и побеседуйте с ним, он многое может поведать о Конструкторе.

Ратибор вспомнил спутника Анастасии: того тоже звали Габриэль. Похоже, это он.

– Найти его непросто, хотя он и работает в синклите старейшин ВКС, но этот человек вам необходим.

– Я знаю, как его найти, – сказал Ратибор.

Боянова подняла брови, однако выражать сомнение вслух не стала.

– Начинай самостоятельно. – Бас Железовского был почему-то мрачным. – Код запроса по Конструктору введен в твой инк. Вечером зайдешь.

Ратибор кивнул, попрощался и, не оглядываясь, пошел к лифту, унося в памяти два разных взгляда двух разных людей, одинаково сознающих ответственность своей работы.

Перенесясь с базы в управление и открыв свой служебный модуль, сохранивший древнее бюрократическое название «кабинет», он сел за стол, привычно развернул приставку инка, и вдруг память оживила перед ним картины происшествия на «Чернаве» четырехлетней давности.

Он тогда возвращался из первого своего самостоятельного кенгуру к звездам Ориона как гриф-специалист первого класса и втайне был горд тем, что его оценили в управлении – как раз накануне полета пришел вызов из кадровой комиссии с предложением перейти в отдел безопасности. У него были в запасе еще два дня на размышления, хотя про себя он уже решился на переход к безопасникам, однако Ратибор не привык торопиться на поворотах судьбы и отложил визит в отдел до тех пор, пока не кончится срок отдыха.

Наутро Карелия пригласила его на прогулку по ксенопарку – первому в истории Земли заповеднику внеземных форм жизни, где она работала ксенобиологом (познакомились они на четвертом курсе Брянского политеха), естественно, Ратибор не смог отказаться, да и не хотел. Во-первых, ему было по-настоящему интересно, несмотря на то, что некоторые виды животных он ловил сам; во-вторых, до официального открытия парка должно было пройти не менее месяца; а в-третьих, Карелия пообещала показать нечто «жутко необыкновенное».

Парк с несколько необычным для данной местности названием «Чернава» располагался в бывшей пустыне Такла-Макан на границе с отрогами Куньлуня. Встретились у служебного входа. Карелия была возбуждена и весела, что всегда превращало ее в девочку-школьницу. Ратибора автомат входа пропустил так безропотно, будто пограничник был директором парка.

Часа два Карелия водила будущего аса-безопасника по гигантскому парку с его экосонами, отгороженными не только от будущих посетителей, но и от земных природных условий невидимыми силовыми мембранами. Время пролетело незаметно, Ратибор рассматривал обитателей экосон с таким любопытством и непосредственностью, что Карелия ни с того ни с сего поцеловала его на виду у сотрудников парка, на что он сам, правда, не обратил внимания. А потом она с торжественным видом подвела его к необычному широкому зданию в форме конуса со срезанной вершиной, от стен которого отходили толстые контрфорсы. По диаметру здание было никак не меньше километра.

– Это наша главная достопримечательность, – с гордостью сказала Карелия. – Дом для монстрозавра. Слышал о таком?

Разумеется, Ратибор слышал. Популяция монстрозавров была обнаружена не на планете, а на звезде, тип которой был определен учеными как «коричневый карлик». Что такие остывающие звезды – диаметром с Юпитер или чуть больше и с температурой поверхности до четырехсот-семисот градусов – могут существовать в природе, было предсказано специалистами-астрофизиками еще в двадцатом веке, но лишь недавно, лет двадцать назад, «коричневые карлики» были обнаружены в старых шаровых звездных скоплениях. «Коричневый карлик», давший жизнь монстрозаврам, был обнаружен в шаровом скоплении М-13 в Геркулесе, в двадцати трех тысячах световых лет от Солнца, так что эти твари представляли самый дальний из всех открытых очагов жизни. Мало того, это были единственные представители совершенно особого класса так называемых «альтернативных биологий» – класса «некристалли-

ческих биометаллов». Уничтожить монстрозавра можно было, наверное, только с помощью ядерного взрыва.

– Как же вам удалось доставить их на Землю? – спросил Ратибор, насытившись созерцанием пары чудовищ, похожих на баранки, обросшие «головами летучих мышей». Размеры зверей были невелики – метров по сорок в поперечнике, но энергией они были накачаны чудовищно, представляя, по сути, живые термоядерные реакторы. Ратибор насчитал шесть симметрично расположенных «летучих мышей» – наросты действительно напоминали головы этих земных млекопитающих, особенно ушами с невообразимо сложным рисунком перепонки, – и подумал, что сверху монстрозавры напоминают головку цветка.

– Их доставил на Землю драйвер-прима Даль-разведки Савва Баренц, – спохватилась Карелия, увлеченная зрелищем, как и гость. – Подробностей я не знаю, но, по-моему, он герой.

– Возразить не рискну, – хмыкнул Ратибор. – Что-то они малоактивны. Вы все домашние условия соблюдали?

– Почти все: сила тяжести – сто «же», температура поверхности – пятьсот сорок по Цельсию, атмосфера – из паров металлов и металлоидов, излучения – от микроволнового фона до гамма. Не стали только воспроизводить плотный поток нейтринов. С тех пор как их доставили сюда, они практически все время спят.

– А что говорят биологи?

Карелия пожала плечиком:

– Идей много, но изучение зверей топчется пока еще на стадии толкований, а не точных знаний. Я, например, считаю, что без нейтринного фона из спячки они не выйдут. Лишь дважды мы наблюдали их вспышечную активность, и то ненадолго. Вот этого красавца в зеленоватой броне называют Панас, а второго, с серебристым отливом – Ната, хотя кто из них мужчина, кто женщина – неизвестно. Ну что, понравились?

Ответить Ратибор не успел.

Один из монстрозавров – Панас – вдруг окутался короной электрических разрядов и... бросился на свою «подругу». Громовой удар, водопад гигантских молний – люди зажмурились от ярчайшего режущего света. А в вольере, если так можно было назвать огромный километровой «аквариум» с потолком, имитирующим небо «коричневого карлика», продолжала развигиваться вакханалия огня и грома. Из-за частых вспышек, бьющих по глазам, почти ничего невозможно было разглядеть, но все же Ратибор понял, что это не игра зверей и не проявление агрессивности самца, решившего сожрать свою самку, а нечто другое.

– Господи! – ахнула, бледнея, Карелия. – Они же поубивают друг друга! Я в аппаратную, жди здесь. – Она убежала.

Такую и запомнил ее Ратибор: растерянную, испуганную, живущую уже той бедой, что пришла неожиданно-негаданно, все же нашедшую в себе толику внимания и щедрой нежности, чтобы на бегу ободряюще улыбнуться Ратибору...

Буйство электричества и плазмы за прозрачной стеной вольера внезапно прекратилось. Повернувшийся к стене спиной, чтобы не ослепнуть, Ратибор оглянулся и не поверил глазам: вместо двух монстрозавров над металлической почвой парила жуткая фигура, казалось, целиком состоящая из одних гигантских «мышинных голов». Эта фигура скользнула к противоположной стене своей тюрьмы и с ходу ударила по ней рекой сиренево-голубого пламени. Стена, способная выдержать любой удар электромагнитного излучения, все же не смогла выстоять против выпада монстрозавра (как потом выяснил Ратибор, это была струя антиматерии) и хотя часть пламени отразила, часть поглотила, но через минуту покрылась язвами аннигиляции и протаяла. Монстрозавр, окруженный сиянием и дымом, выплыл наружу. Навстречу ему ринулась машина аварийной службы – ребята просто не знали, что делать, – и исчезла в радужной вспышке света. Еще один куттер свалился на зверя откуда-то сверху и тоже превратился в

полотнище лилового огня. И только тут Ратибор опомнился и принялся действовать, стараясь не думать, где в этот момент находится Карелия.

Он еще при подходе к жилищу монстрозавров заприметил неподалеку пирамидальную башню грузового метро и прозрачно-туманный столб орбитального лифта; обычно их строили рядом как транспортные узлы разных масштабов, подчиненные одной цели – оперативной переброске грузов с межзвездного уровня на планетарный и обратно. Необходимо было любым путем заманить сросшихся в одну особь монстрозавров к метро и попытаться выбросить их из Системы по «струне» мгновенной масс-транспортиации.

Решение созрело мгновенно: если даже в земной атмосфере с температурой, отличающейся от абсолютного нуля на триста градусов, монстры жестоко мерзли, вынужденные тратить огромную энергию на разогрев тела, то стоило попытаться попутать их холодом, близким к холоду космического пространства. У Ратибора не было рации, и он не находился на поддежуривании, когда все члены группы замыкаются в сети компьютерной связи и готовы по первому зову прийти на помощь, поэтому полагаться мог только на себя. Он рванул по дорожке к стоянке легкого транспорта, завладел четырехместным пинассом, за минуту достиг той зоны парка, где под куполом были воссозданы условия одной из ледяных планет типа Плутона, и, ничего не объяснив персоналу «теплицы», в режиме оптимайзинга – когда обостряются все чувства и реакция организма превосходит реакцию любого нетренированного человека – погрузил в пинасс два баллона с жидким гелием.

Самым трудным делом оказалось закрепить баллоны в кабине аппарата, но Ратибор справился и с этим, разбив бластер, и подлетел к жилищу монстрозавра в тот момент, когда чудовище довершало разрушение здания: клубы дыма, пыли, струи щебня и осколков стен скрыли под собой ландшафт на площади в три квадратных километра! Гул, грохот, шипение и треск заполняли окрестности.

Ратибор отыскал монстра по характерным вспышкам и фонтанам огня и с внезапно проснувшейся ненавистью открыл вентиль баллона. Струя жидкого гелия под давлением в триста атмосфер вонзилась в тело неземного животного, взрывообразно превращаясь в газ. Белое облако мгновенно сконденсировавшегося тумана и газа накрыло зверя с головой. Он замер, прекратив искриться электроразрядами, потом вдруг со свистом метнул сквозь облако огненный пунктир антиматерии – разряд прошел всего в пяти метрах от машины пограничника – и с ревом двинулся прочь, круша все, что попадалось на пути.

Ратибор гнал его к метро, увертываясь от чудовищных молний и аннигиляционных струй, с яростью шепча: получай! Получай, гад! На еще, получай!..

Жидкий гелий, способный просачиваться даже в отверстие размером в одну молекулу, покрыл корпуса баллонов и попал внутрь кабины пинасса, но Ратибор, несмотря на угрозу обморожения рук, бросил машину, лишь загнав монстрозавра на ствол орбитального лифта – в ворота метро зверь не полез, – и включил стартовый толкатель. Молодой оператор лифта вовремя сообразил, что надо делать, и успел сообщить наверх, на орбитальный комплекс, какого рода «груз» к ним запущен...

Ратибор очнулся, тронул кнопку витейра – объемного фото на стене, полюбовался изображением Карелии, протягивающей к нему руки, и хмуро бросил в зрачок инка на столе:

- Прошу дать интенционал по коду «АА» и всю научную информатору сопровождения.
- Выполняю, – ответил инк вежливо.

ЛЕГЕНДА О ПРОЖОРЛИВОМ МЛАДЕНЦЕ

...И словно в ответ Конструктор вдруг передал в эфир отрывок из песни, одной из тех, что записал для него Грехов. И ушел. И во всем мире остался лишь этот печальный звук – тонкий и нежный, хватающий за душу замирающий человеческий голос...

Ратибор задумчиво снял эмкан, выключил аппаратуру. Он был потрясен. Конечно, он родился гораздо позже описанных событий, когда сверхоборотень из споры превратился в Прожорливого Младенца и наконец в сверхсущество, прозванное Звездным Конструктором, а затем, поглотив треть массы Марса, покинул Солнечную систему и Галактику вообще. На Марсе Ратибор бывал несколько раз и, конечно же, знал причину его необычного вида, однако не знал *всей* информации, достаточно неординарной, чтобы заработали эмоции и воображение. Да и кого могло оставить равнодушным рождение представителя палеоразума, жившего в эпоху, когда еще не существовало ни звездных скоплений, ни самих звезд?! А еще Ратибор был поражен безрассудной смелостью тех, кто захватил спору сверхоборотня (километровое «яйцо»!) и перенес ее в Систему, поместив на Марсе (как это они не «додумались» опустить ее на Землю?!). Мужество, отвага и самоотверженность тех, кто пытался установить контакт с родившимся исполином, были уже вынужденными. Правда, Ратибор не хотел осуждать и пограничников, первыми встретивших рой спор Конструкторов в космосе, никто из них не мог предугадать последовавших затем событий.

После ухода Конструктора из Солнечной системы люди не сразу вздохнули спокойно. Многие специалисты-ксенопсихологи сомневались в желании бывшего Прожорливого Младенца покинуть местный уголок пространства, но они, к счастью, оказались не правы.

Ратибор восстановил в памяти основные моменты истории, происшедшей более ста десяти лет назад.

Конструктора, вернее, его спору, прозванную сверхоборотнем, обнаружили сначала на Юлии, второй планете системы гаммы Единорога, потом на планетах альфы и дельты Орфея, а сумели захватить только возле гаммы Суинберна, в трехстах парсеках от места обнаружения, когда спора успела похитить около двух десятков человек, пограничников и первоисследователей. Почти год ее продержали на Марсе, пытаясь понять, что это такое, и вступить с ней в контакт, пока замначальника тогдашнего отдела безопасности, еще не разделенного на два сектора – наземный и космический, Грехов не слетал на Тартар и не упросил серого призрака посмотреть на «яйцо» оборотня. Серый призрак – представитель разума, на миллион лет обогнавшего человечество, согласился помочь людям и смог разгадать тайну «охотника за интеллектами», но и после того спора оставалась на Марсе еще полгода, пока вдруг не проснулась от спячки и не проросла. И родился Прожорливый Младенец Конструктора, использующий в качестве строительного материала своего тела горные породы Марса.

За три месяца он съел треть планеты, не отвечая на призывы землян и отчаянные их попытки обратить внимание исполина-«младенца» на опасность его аппетита для древней планеты, только что освоенной людьми. И ушел, разворошив человеческий муравейник, далекий от всего, что волновало и тревожило людей.

Крейсеры погранфлота, укомплектованные группами специалистов Института внеземных культур, настигли его уже на границе Галактики, когда он догнал отряд спор своих собратьев в количестве семи особей – две исчезли бесследно – и пытался оживить их, заставить развиваться. Однако сделать это ему не удалось – то ли не хватало знаний, опыта и навыков «акушера по-конструкторски», то ли споры утратили жизнеспособность: одна из них взрывается, еще три сцепляются друг с другом и превращаются в сверхплотный ком материи, нечто вроде «черной дыры», а оставшиеся просто разваливаются на куски, каменно-металлические обломки. Целый месяц после этого «малыш» Конструктор мчался рядом с останками неродив-

шихся своих братьев, словно оцепенев от горя и отчаяния, не отвечая на постоянную сигнализацию и призывы землян, потом стал трансформироваться, менять форму, будто примеривал оптимальный вариант для той цели, которую поставил перед собой.

Уходил он из Солнечной системы в форме черно-фиолетового конуса с диаметром основания около трех тысяч километров, на гладком торце которого вырос «кипящий» горный пик высотой в пятьсот километров, а удалившись от Солнца на несколько световых лет, превратился в двойной конус, представляя собой, по сути, необычайной формы планету – и по размерам, и по массе, разве что «планета» эта была разумным существом! Людей масштабы жизненных потенциалов космоса еще не перестали поражать, несмотря на встречи в Галактике с другими диковинными существами и формами жизни вроде тартарской, орилоухской и чужанской, поэтому исследователи все еще не теряли надежд на контакт с представителем палео-разума, контакт, переоценить пользу от которого было невозможно, однако после неудачной попытки оживления спор Конструктор пресек все поползновения землян сблизиться с ним, передав в эфир короткую – всего в шесть секунд – видеокартину: алмазный грот, два человека в нем (это были, как потом удалось установить, Герман Лабовиц и Эрнест Гиро), один из них (Лабовиц) сказал: «Теперь курс – одиночество», – и все исчезло. А потом Конструктор начал перестраивать тело.

Сначала его двойной конус расщепился на пакет игл, которые образовали фигуру, похожую на ежа или головку одуванчика. Затем «еж» сплюснулся в блин, иглы превратились в короткие по сравнению с размерами «блина» шипы, и теперь «младенец» напомнил наблюдателям ракетку для настольного тенниса, причем рукоятка у нее длиной в тысячу километров выросла буквально за пять-шесть секунд, то есть скорость ее роста превысила скорость движения Солнца в пространстве! Волны разноцветного сияния обежали поверхность тела «ракеты», и Конструктор устремился прочь от мертвых спор, от своих несбывшихся надежд, постепенно ускоряя ход. Земные корабли попытались следовать за ним, но вынуждены были остановиться: вакуум в его «кильватерной струе» был так «взбаламучен», что начинали сказываться эффекты квантования пространства на макроуровне: корпуса крейсеров, несмотря на мощную энергетическую защиту, не выдерживали изменений метрики и трескались! На Землю смог вернуться только один корабль из посланных трех, сняв экипажи двух других.

Когда специалисты на крейсерах наконец разобрались в физике явления, Конструктор уже затерялся во мраке межгалактических просторов, и догнать его не удалось. Путь его лежал вне всех известных звездных островов, галактик и их скоплений, образующих ячеистую структуру Вселенной, он возвращался точно в том же направлении, откуда появился, надеясь, вероятно, отыскать родину...

Ратибор походил по комнате, отметив, что наступил вечер, вернулся к столу и попросил киб-секретаря отпечатать то место из информпакета, где говорилось об изменении вакуума за кормой Конструктора, когда тот покидал Галактику. Спрятав карточку с текстом в карман, он внимательно оглядел себя, поправил прическу и направился к двери, пробормотав:

– Теперь курс – одиночество...

Железовский ждал его в операционном зале космосектора, напичканном молектроникой, аппаратурой «динго»¹⁶, устройствами индивидуальной связи с компьютерами и пси-терминалом¹⁷. В этом зале, соединявшем компьютерной связью руководство службы безопасности и погранслужбы, СЭКОНа и комиссии ВКС, дежурили начальники секторов, отделов и их заместители.

¹⁶ «Динго» – объемная видеосвязь на принципах динамического голографического изображения.

¹⁷ Аппаратура мысленного управления.

Ратибор молча подал комиссару-два белый листок пластпапира. Железовский так же молча взял листок, снял эмкан персональной консорт-линии ¹⁸. Эмкан съежился в бутон и упрятался в полированную плоскость дежурного стола, на которой иногда проступали какие-то схемы, рисунки, фигуры, быстро бежали строки бланкосообщений и вереницы символов и цифр.

– Твое мнение? – пробурчал наконец Железовский, сдерживая в голосе громыхающие ноты.

– Похоже, это он, – сказал Ратибор. – Уж очень необычна физика явлений в обоих случаях, разительно необычна. Правда, еще более необычными мне казались выводы ученых типа: «Звезды – это случайный результат деятельности Конструкторов».

– Это не выводы ученых. – Железовский кивнул одному из пяти дежурных и направился к двери: когда-то Ратибор с удивлением узнал, что «человек-глыба» может ходить как охотник и гимнаст – гибко, легко и раскрепощенно, несмотря на рост, массу и чудовищные мышцы. – Это информация серых призраков. Непроверенная. Неординарная, если говорить честно, потому и пугающая ученую братию.

Они сели в лифт и через две минуты вышли из прозрачной решетчатой кабины у двери в кабинет комиссара-два. Вошли.

– По сообщению серых призраков, – Железовский сел в кресло в «гостевом» углу кабинета, возле мини-бассейна с фонтанчиком, – наша часть Вселенной, так называемый «метagalактический домен», была полигоном для Конструкторов, где они экспериментировали со временем, многомерностью пространства, его геометрией, топологией, энергией... Ты читал что-нибудь по космологии? Тогда должен помнить, что наша Вселенная рождалась двенадцатимерной, а потом восемь измерений почему-то скомпактифицировались, сжались, превратились в одномерные «суперструны». Так вот не «почему-то», а именно потому, что это сделали Конструкторы. Что привело к фазовой перестройке вакуума и, очевидно, к гибели самих Конструкторов. Одному богу известно, как и где уцелели эти десять спор, из которых лишь одна смогла развиваться во взрослую особь.

– Вставь в план работы... – Железовский остановил прозрачный взгляд на губах Ратибора, помолчал, решая что-то про себя. – Вставь в план посещение Марса и ксенозаповедника «Чернава». – «Человек-глыба» снова помолчал, словно ждал реакции от напрягшегося Берестова. – Я знаю, что там погибла твоя невеста, но побывать тебе в тех местах необходимо. В заповеднике обитает последний из уцелевших «серых людей», последний из чистильщиков, живший когда-то в симбиозе с Конструктором, вернее, с его спорой, со сверхоборотнем.

– Хорошо, – сказал Ратибор почти спокойно.

Железовский отвернулся.

– Я не думаю, что Конструктор – если только это наш повзрослевший «младенец» – выльпится из БВ в скором времени, может быть, он так и не сможет прошибить барьер того запрещающего, откуда пробивается в наш мир подобным способом, но мы не имеем права недооценить угрозы. Либо со стороны самого БВ – ты уже видел, что может произойти со звездой, – либо от появления разумного сверхсущества, также способного управиться с любой звездой. Вполне вероятен вариант, когда нам придется устанавливать с ним контакты. А ты с этого момента не просто кобра, ты оператор РП ¹⁹. СЭКОН мой запрос по этому поводу подтвердил... хотя у Забавы была другая кандидатура.

– Кто на подстраховке? – спросил Ратибор, чтобы скрыть замешательство: такого оборота событий он не ожидал. Подумалось, кто же этот второй? Мастеров в отделе много, кого же выбрала Забава? И почему? Впрочем, какая разница? Пусть дает этого парня на подстраховку.

---

¹⁸ Канал связи, позволяющий считывать информацию, не вмешиваясь в управление.

¹⁹ Оператор режима «полундра», обладающий карт-бланшем особых полномочий.

Берестову, конечно, хотелось, чтобы в паре с ним работал Макграт, комиссар знал об их отношениях, но Ратибор не возражал и против любого другого безопасника, все они проходили тестирование на психологическую совместимость и все были не менее надежны, чем кобра-один Берестов.

– Я на подстраховке, – сказал, как отрезал, комиссар.

Берестов молча поднялся.

– Не возражаешь? – с внезапным интересом спросил комиссар-два.

– Нет. – Ратибор суеверно сплюнул через левое плечо.

Утром он долго решал, не позвонить ли Егору, расспросить о жите-бытье, но желание разобраться с визитом Насти пересилило, и он позвонил Макграту:

– Пол, ты давно знаешь Анастасию?

– Какую Анастасию? – Сонный Макграт зевнул, прикрыв рот тыльной стороной ладони. – Извини, что я в дезабилье...

– Демидову...

– А-а... Настю... давно. А ты разве не был знаком с ней до нашей встречи? Мне показалось...

– Видел мельком. – Ратибор не стал уточнять, где и при каких обстоятельствах он познакомился с Анастасией.

Макграт хмыкнул, взлохматил волосы на лбу:

– И ты из-за этого будишь меня среди ночи?!

– Уже давно утро, седьмой час, пора заряжаться и завтракать.

– Я поздно лег, так что мог бы еще спать и спать, тем более что не дежурю. А хорошая девочка, да, кобра Берестов? Понравилась? – Пол выставил ладонь вперед. – Все, все, не делай зверское лицо, больше не буду. Что тебя интересует конкретно?

– Знаю, что она эфналитик ИВК, и больше ничего.

– Ее отец, Михаил Демидов, известный экзохимик, доктор наук, погиб несколько лет назад во время какого-то эксперимента. Мать – биолог, работает, по-моему, в ксенопарке «Чернава» в Такла-Макан. Ей двадцать три, не матери, конечно, не замужем, мастер спорта по теннису. Что еще?

– Где живет?

– Ну, брат, этого я тебе не скажу. Неужели задело всерьез? Ой, что-то не верится... – Пол снова выставил ладони вперед, заметив опасный блеск в глазах Ратибора. – Все, все, молчу, а то на нуль помножишь, ты способен. Ее адреса я и в самом деле не знаю, но Умник найдет тебе его в два счета. – Макграт помял лицо, хмыкнул, сказал с сожалением: – Разбудил ты меня окончательно. Я слышал, ты получил какое-то новое задание от «глыбы»? Не хочешь взять в пару?

– Толку от тебя, – буркнул Ратибор. – Зная тебя как облупленного, Аристарх решил подстраховать меня сам. Но дела хватит всем, попомни мое слово.

Макграт прищурился в усмешке, на Ратибора он не обижался никогда.

– Конечно, ты у нас известный ведун, маг и чародей, куда уж нам... Кстати, какое отношение к БВ имеют чужане?

– Никакого. А ты откуда знаешь о чужанах?

– Слухом земля полнится. Или я не кобра отдела безопасности? Ты вообще-то не очень радуйся, работать тебе придется с весьма необычным контингентом: чужане, «серые люди», серые призраки...

Ратибор невольно поднял бровь.

– Ну, у тебя и осведомленность. Прямая связь с бункером? Или, может быть, шеф дал нам одно задание параллельно?

Макграт засмеялся.

– А ты говоришь – никакого толку. Ну, все, побежал в душ, до связи. Вечером можем покидать мяч.

– Если освобожусь.

Виом погас. Ратибор задумчиво прошелся по комнате, поправил в сувенирной нише раковину с Орилоуха, добытую еще отцом во времена открытых орилоухских экспедиций, выпил на кухне любимого клюквенного морса, потом, размышляя о последних словах Пола, позвонил в отдел.

– Умника на линию, – сказал он дежурному.

Изображение в виоме сменилось: теперь вместо рыжеватого молодого человека («динго», конечно, видеофантом дежурного) появился плотный мужчина с лицом борца-профессионала – «динго» Умника, инка отдела, отвечающего за все его информационные и деловые связи.

– Прошу найти адрес Анастасии Демидовой, эфналитика Института внеземных культур.

Ответ поступил без задержки:

– Новосибирск, северный радиал, Лосиная Магистраль, сто сорок четыре – девяносто два. – Умник знал, кому из сотрудников отдела обязан выдавать информацию в полном объеме, и запросу не удивился.

– Уточните обычный распорядок дня ее работы и дни самостоятельного обучения.

Умник «задумался» на несколько секунд – с виду, конечно, как и «нормальный» собеседник-человек, хотя на самом деле по информсети связывался и беседовал в это время с компьютером ИВК.

– Учебные дни – вторник и четверг, начинает работу обычно с десяти утра и до трех дня по среднесолнечному, но в понедельник иногда выходит вечером. Если задание несложное, выполняет работу дома, по консортлинии. Расчетный зал три, кабина одиннадцать. Код личного инфора: две тройки сто двадцать шесть – эф две четверки.

– Спасибо, – отпустил Умника Ратибор, посмотрел на браслет: семь без трех минут. Институт внеземных культур располагается в Копенгагене, там еще раннее утро, а Настя живет в Новосибирске, где уже одиннадцать часов, значит, она давно встала.

Он причесал волной падающие на шею волосы, облачился в обычный летний костюм: белые брюки и рубашку с короткими рукавами – все со встроенным кондиционированием, и «свистнул» такси. На путь до Брянского метро и на поиски Лосиной Магистралы в Новосибирске ему понадобилось всего полчаса. Без пятнадцати двенадцать по местному времени (без четверти восемь по среднесолнечному) по указке центрального жилищно-эксплуатационного инка Новосибирска он посадил пинасс на лужайке возле дома, где жили Демидовы.

В эпоху свободной миграции городов архитектурные ансамбли жилых зданий представляли собой непрерывно обновляющиеся, трансформируемые геометрические фигуры, подчиненные основной идее местного архитектора ландшафта. Квартиры-модули таких домов со встроенным инженерно-бытовым обеспечением и генератором формы могли перемещаться и подстыковываться к любому ансамблю, если ее владельцу казалось, что он не нарушает гармонии сложившегося облика дома, если он не возражал против изменения формы квартиры. Со стороны казалось, что ансамбли – живые существа, потому что не было мгновения, чтобы какая-то из квартир не улетала прочь, а ее место тут же не занимала бы другая. Ратибору города всегда напоминали горы живой хрустально-алмазной пены, пузырьки которой лопаются и теснят друг друга. Однако, несмотря на текучесть форм и периодические приливы и отливы урбаноэкологии, древние центры культуры, в том числе и Новосибирск, не потеряли своего значения. Как и сто лет назад, и двести, и пятьсот, коренные жители крупных городов с гордостью именовали себя: «мы, москвичи!», или «мы, киевляне!», или «мы, новосибирцы». А мы брянские, волки дебрянские, сказал про себя Ратибор, вспоминая поговорку деда. Тоже, однако, звучит неплохо.

Дом, в который была вписана квартира Демидовых, напоминал ажурный сросток кораллов с перламутровыми переливами отдельных блоков-«песчинок».

Девяносто второй квартирный модуль, способный к самостоятельному путешествию в любую точку земного шара, имеющий штуцерные устройства для подключения к любому дому, венчал северную «ветвь» коралла на высоте тридцати метров. Лифт за минуту доставил гостя к стыку трех «кристаллов»-квартир, и Берестов позвонил.

Дверь открылась с мелодичным «входите, пожалуйста».

Из гостиной навстречу Ратибору вышла удивленная Анастасия в легком пушистом халатике с оранжевым эмканом «оракула» – домашнего расчетчика в руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.